

Сокровище старой девы

Автор:

Маргарита Южина

Сокровище старой девы

Маргарита Южина

Если не суждено выйти замуж, никакие ухищрения не помогут. Счастье Аллочки было так близко, жених столь преданно внимал сказкам о ее квартирке и папегенерале, что вся деревенская родня невесты ликовала. Однако в разгар бракосочетания к молодой подбежала ватага каких-то детей, называя ошалевшую Аллочку мамочкой. Жених обалдел не меньше и сделал ноги. Родственнички заставили беглеца одуматься. Правда, в торжественный момент примерки нового обручального кольца тот не вынес количества нулей в ценнике и... Зря он это сделал: во время бегства его убили неизвестные. Аллочка, разумеется, в трансе, но не настолько, чтобы опустить руки и не выяснить, кто лишил ее семейного блаженства...

Маргарита Южина

Сокровище старой девы

Глава 1

Подарки бешеного аиста

Этот день все-таки настал – день торжественного бракосочетания Аллочки Клоповой с Геннадием Архиповичем Зеваевым. Дело было не в Геннадии

Архиповиче, а именно в Аллочке: вся ее родня уже давно похоронила последнюю надежду на счастливое – да что там счастливое, хоть какое-нибудь! – замужество перзрелой девицы, а она вон как завернула – ать! и ухватила себе завидного жениха.

– Аллочка!! Ты сегодня точно бабочка – порх, порх! – неслись со всех сторон громоздкие комплименты.

– Наша невеста самая... самая необычная! Ни у кого такой нет! – так и тянуло говорить одни приятности.

– Аллочка! Мы же совсем забыли! Ты сегодня еще не повторила вальсирование! – вдруг вскрикивал кто-то. – Фома! Немедленно легко подхвати Аллочку и пройди пару кругов!

– Ну уж дудки! Я работаю хирургом, и мои ноги мне дороги, как рабочий инструмент, мне на них еще не одну операцию стоять. Варь! Да ухвати ты тетку и покружись с ней, чтобы ей потом перед людьми не опозориться!

Фома был неисправим.

Аллочка, или как она себя называла на сериальный манер – Алиссия, тучная дама, имела деревенскую прописку, два десятка килограммов лишнего веса и сорок с лишним лет от роду. Зато у нее совершенно отсутствовала трудовая книжка, также не было никакой обременительной жилплощади и никаких беспокойных сбережений. Аллочка вот уже который год проживала в городе у старшей сестры Гутиэры, питалась, как птичка, всем тем, что найдет... в холодильнике, но при этом отнюдь не чувствовала себя на птичьих правах. Хотя о собственной семье уже давно мечталось. Геннадий же Архипович, напротив, оказался весьма трудолюбивым господином – имел собственную сапожную «лапу», на коей просто творил чудеса, а потом эти чудеса продавал втридорога. Он был робок, длинноват, жидковат, зато интеллигентен. В общем, как бы там ни было, два одиночества столкнулись в мирской суеде и собирались друг другу подарить счастье. И счастье должно было начаться именно с сегодняшнего дня, то есть с момента бракосочетания. Вот отчего все близкие Аллочки сейчас так суетились, волновались и пощелкивали челюстями от нервного напряжения. Даже всеобщий мохнатый любимец – кот Матвей, и тот не валялся на диване, лениво щуря глаза, а радостно таскал у Аллочки бигуди и гонял их по всей

комнате. Когда бигуди отбирали, в лапах тут же оказывался тюбик какой-нибудь эксклюзивной помады, и игра начиналась с новым азартом.

Гутиэра, или в просторечии Гутя, вообще вела себя крайне непристойно – то и дело с визгом подсакивала к сестрице, чмокала ее в щеку и тут же строго сдвигала брови:

– Ты, Аллочка, смотри мне! Только попробуй жениха упустить, я тебе... Господи! Ну не надо сейчас раскручивать бигуди! Еще только девять утра, а тебе в загс к четверем! Никак нельзя, чтобы он увидел тебя без прически!

Аллочка обиженно наматывала прядки обратно на пластмассовые трубочки и с вождением поглядывала на пышное платье персикового цвета.

– Нет, Гутя, зря я все-таки тебя послушалась... – ворчала она. – Говорила же, надо, чтобы все, как у людей – платье белое, с декольте и с юбкой-вазоном, а на голове чтобы фата. А ты – «простенько, простенько»...

– Ну что ты такое говоришь, Аллочка! – тут же подсакивала рыжеволосая Варька, дочка Гути и племянница невесты. – Куда тебе фату громоздить? Ты себя в фате-то видела? Я хочу сказать, что это не современно в твои-то годы! А вот на парикмахерской ты зря сэкономила, надо было мастера пригласить.

Аллочка и сама теперь понимала, что с мастером было бы лучше, но когда она в первый раз услышала, сколько стоит свадебная прическа, то тут же решила, что на эти деньги они с Геннадием лучше съедят в свадебное путешествие. Пусть даже и не на Мальдивы, а всего-навсего в родную деревню, но зато замечательная экономия получится со всех сторон: и деревенских за свадебный стол приглашать в город не нужно – отметят там, на месте, и деньги сохранятся. Это только сейчас Аллочка вспомнила, что деньги-то все равно Гутины, так что можно было и выкроить на парикмахерскую. А то иди теперь в загс с этими овечьими клочками вместо прически.

– Гутя, а сейчас парикмахера нельзя вызвать? – уже в который раз канючила невеста.

– Нет, уже поздно, – решительно обрывала ее Гутя, вероятно, она тоже вспомнила, что деньги ее. – Да и зачем тебе? Сейчас все начешем, лаком зальем,

где проплешина появится – цветочков натыкаем, зачем нам какой-то парикмахер?..

– Аллочка! А где твои новые туфли?! – в панике вскидывала руки Варька. – Куда ты дела свои новые туфли?! Ой, боже мой, ну зачем ты на них уселась всем своим весом?! Слезь немедленно, каблук сломаешь!!

– И значит, так... – давала последние наставления Гутя. – Как только в ресторане это дело отметим, ты сразу к нему, к жениху, на жительство! Я тебе вот тут чемоданчик собрала, все самое необходимое на первое время... Фома! Где Аллочкин баул?!

Фома Неверов – строптивый Варькин муж, чью фамилию взяла не только жена, но и теща, по всей квартире таскался с чемоданом и боялся выпустить драгоценную поклажу из рук.

– Он в надежных руках! – откликнулся Фома. – Я его потом вручу молодым как ценный подарок.

– Мне не надо такого подарка! – капризничала невеста, отвесив губу. – И вообще! Мы с Геннадием вовсе не поедем после свадьбы к нему, мы сюда приедем! Потому что мне надо привыкнуть к новому положению жены! Мне нужно будет отдохнуть от волнения, привыкнуть делить с незнакомым мужчиной свою пищу, я не побоюсь этого слова – постель... Я даже думаю – вам придется ненадолго уехать.

Беготня родственников на минуту затормозилась, все уставились на Аллочку как-то недобро, а потом Гутя и вовсе пошла на нее разъяренным быком.

– Это к чему ты там собралась еще привыкать? – шипела она, уперев руки в бока. – Это чью ты там пищу собралась делить? Это куда ты нас собралась выдворить?! Уехать?! Ненадолго?! Нет, миленькая моя, мы никуда не поедем, а вот ты – с лучшими пожеланиями! И поверь, нам будет тебя не хватать. Значит, так! Завтра просыпаешься у жениха...

– Мам, скажи, чтоб она макияж не сразу смывала, – тоненько пискнула Варька. – Ну ведь сбежит же мужик!

– Не сбежит, он человек интеллигентный, – рявкнула Гутя и тут же блаженно закинула голову. – Господи! Человек-то какой хороший! Взял и взял нашу... Аллочка!! И помни – жизнь прекрасна, поэтому улыбайся чаще... Так, стоп. Она прекрасна, но не до такой же степени! Зачем ты открываешь рот и вываливаешь язык? Достаточно просто растянуть губы!

В общем, суета длилась до самых дверей загса.

В загсе уже вели себя пристойнее. Впереди шла Гутя и крепко держала сестру под руку, чтобы никакие природные катаклизмы не смогли унести невесту из-под венца. С другой стороны Аллочку поддерживал торжественный и серьезный, как избирательная урна, Геннадий Архипович. В свою очередь, Геннадия Архиповича нежно держал под ручку Фома – за женихом тоже нужен был глаз да глаз. А уже все шествие замыкала перекосившаяся Варька с тяжеленным Аллочкиным чемоданом.

Церемония началась по всем правилам – заиграл марш Мендельсона, отворились тяжелые двери, и пара молодоженов ступила на красную ковровую дорожку, которая украшала зал, вероятно, еще с середины прошлого века. Навстречу брачующимся поднялась степенная дама в кумачовом костюме – ровесница ковровой дорожки, уставилась в папку и монотонно заговорила загробным голосом. И все же Аллочка и ее родственники просто упивались этим траурным речитативом. И даже немного расслабились: Аллочка не могла сдержаться и улыбалась, распахнув рот, Гутя редела в голос от счастья, заглушая марш Мендельсона, а Варька неприлично повизгивала от восторга. И тут судьба показала, что она всесильна даже в стенах районного загса.

В тот самый момент, когда уже дама в красном костюме, злорадно прищурившись, допытывалась у жениха:

– Геннадий Архипович, вы согласны взять в жены...

Неожиданно распахнулась дверь, и в зал с оглушительным шумом ворвалась стайка из четырех оборванных, грязных детей.

– Мама!! Мамочка!! – кинулись они к Аллочке, стали хватать ее за руки, прыгать и заглядывать ей в глаза. – Мамочка!! Ты нас обещала взять в загс, а сама оставила!! Мама!!! А это наш новый папа? Это дядя Гена, да?!! Мамочка, ну

зачем ты нас оставила дома, мы тоже хотим!

– Да я вас не оставляла... – растерянно отмахивалась от них Аллочка, ничего не соображая. – Ну да, это дядя Гена, ваш новый папа... Тьфу ты, черт! Он пока вам не папа!! Ой, господи... Какая я вам мама?!!

– Мамочка!!! А Ваньку мы не взяли, бабушка сказала, что он еще маленький и болеет ветрянкой!!! Мама!! А папа Гена нас всех усыновит?! И Ваньку тоже? А это ничего, что он с ветрянкой?!!

Аллочка уже редела слонихой, махала руками, точно мельница, и глаза ее вылезали из орбит. Однако дети, младшему из которых было лет десять, а старшенькому все шестнадцать, от Аллочки не отцеплялись, хватали ее за подол свадебного платья, висли на руках и беззастенчиво разглядывали нового «папу».

Вторжение «группы поддержки» несколько сбilo работницу загса с заученной речи, она теперь только хлопала глазами и все сильнее прижимала к груди папку. И гости чувствовали себя не лучше: Варька выронила чемодан, тот распахнулся и на ковровую дорожку вывалились ночные сорочки невесты, белье и прочие вещи, для чужого взора не предназначенные. Гутя прекратила радостно рыдать и теперь непотребно икала, Фома открыл рот и ослабил хватку (он все еще цепко держал жениха), и только жених, интеллигентнейший сапожник Геннадий Архипович, не сплеховал – ужом вывернулся из-под рук Аллочки и Фомы и, высоко задирая колени, выскочил из зала бракосочетания.

После бегства жениха бурная любовь детей к матери мгновенно утихла, и пока ошалевшие взрослые приходили в себя, они вихрем вынеслись из зала.

– Что... это было? – первой проморгалась работница загса.

– Это? – медленно проговорила Гутя. – Это была катастрофа. Родовое проклятие. Гибель всех надежд. Теперь нам больше никогда не найти другого идиота, который добровольно согласился бы прийти сюда с Аллочкой...

– Да ну... – не понимала что говорит работница. – Идиотов еще знаете сколько... Я хотела сказать... да чего там говорить...

– Ы-ы-ы-а-а-а! – раздался вдруг оглушительный рев брошенной невесты. – И-и-и-д-и-о-о-о-ты-ы-ы сами вы-ы-ы-ы!

– Тихо-тихо-тихо! – быстро проговорила работница, нырнула куда-то под огромный стол и выудила бутылку коньяка. – Налейте ей, у меня всегда для таких вот случаев...

Аллочка завалилась на красивую резную кушетку и аккуратно билась головой о красную плюшевую обивку мебели. Бутылку с коньяком она отшвырнула и все больше горя добавляла в звучные рыдания.

– Господи! Беда-то какая... – уже клушей возле сестры бегала Гутя.

– Мам, поддержи ей голову, сейчас зальем коньяк, – переживала Варька.

Фома – норовистый зять Гутиэры и муж рыжеволосой Варьки – видимо, вспомнил, что он хирург по профессии и Геннадий Архипович сбежал по его недосмотру, взял ситуацию под свой контроль. Он ухватил голову Аллочки в свои крепкие руки, приподнял ее и властно скомандовал:

– Варь! Давай бутылку!

Аллочка больше не сопротивлялась, пила успокоительное большими громкими глотками, после чего в руках Фомы обмякла и рухнула с сочным храпом.

– Ничего себе, – хмыкнула Гутя. – Как-то она быстро... того... успокоилась...

– Это потому что у нее защитная функция организма, – авторитетно пояснила Варька.

Она только окончила курсы психологов, поэтому знала много красивых, умных слов.

– Может, у нее и функция, но у меня-то регистрация, – осторожно напомнила работница загса. – Надо как-то ее... унести, что ли... Может, врача вызовем?

– А врач что, будет ее на руках выносить? – раздраженно сказал Фома. – Я сам.

Он приловчился, поднатужился и даму от кушетки оторвал. А потом и вовсе совершил подвиг – на подкосившихся ногах дотащил Аллочку до скамейки в холле загса. После чего рухнул рядом со своей ношей.

– Вау!!! – визжала толпа в холле.

Многочисленные пары молодоженов, которые терпеливо дожидались своей очереди к красной дорожке, встретили эдакое рыцарство с восторгом.

– Целуй свою спящую красавицу!! Буди ее!! – несло со всех сторон. – Ничего себе здесь регистрируют – невесты засыпают! А это уже можно считать первой брачной ночью или это еще брачный день?!!

Фома только хмурился и тяжело дышал, а женщины крутились возле него и не знали, как допереть пьяную невесту до дома – жених испарился вместе со своей свадебной украшенной иномаркой.

Только через час Варьке удалось поймать на дороге частника и за бешеные деньги всем вместе добраться до дома. В полусонном состоянии Аллочку дотащили до квартиры, уложили в постель, и лишь потом Гутя, Варька и Фома дали волю чувствам.

– Я так и знала! Я так и знала, что что-нибудь случится! – бегала по кухне Гутя. – Ну просто не может быть, чтобы Аллочка вот так взяла и вышла замуж!.. Матвей! Матюша, не трогай этот веночек, это Аллочкин, может быть, он ей когда-нибудь пригодится... Хотя, играй. Когда это еще кто-нибудь ее замуж позовет! Бомба два раза в одну воронку не падает.

Кот резвился с Аллочкиным украшением, а домочадцы никак не могли успокоиться.

– И откуда только эти дети взялись? Мам, это кто ж ее так подставил, а? – задумчиво размышляла Варька.

– Известно кто! Кто-то! – не могла усидеть на месте Гутя и маршировала по всей кухне. – И ведь все так хорошо начиналось... – она на минутку примолкла и вдруг вспомнила: – Варя, а ты заметила, как грамотно все сделано! И тебе ветрянка, и

тебе «усыновить», и тебе «наш новый папа»! Вот и попробуй тут не сбеги. Честно говоря, я и сама уже сбежать собиралась, да вовремя очнулась... Слушай, Варя, а может, у этого Геннадия есть какая-нибудь зазноба? Ну любит его до гробовой доски, вот и делает всякие гадости, а? Аллочка ничего не говорила?

Варька задумалась, потом покачала головой:

– Мам, ну тут тебе лучше знать, – развела она руками. – Он же у тебя по каталогу проходил, жених-то!

Варька была права. Гутя уже несколько лет успешно занималась сватовством. Это дело у нее было поставлено на широкую ногу, и она могла похвастаться уже не одним десятком счастливых семей, которые создались благодаря ее стараниям. Правда, свою личную жизнь все никак не получалось наладить, да и пристроить к кому-нибудь родную сестричку Аллочку, которая чугуной гирей висела на шее, тоже не удавалось. Геннадий Архипович появился в каталоге Гуты полгода назад. Особенной любви к Аллочке по первости мужчина не проявлял, все присматривался к более успешным женщинам и лишь когда почтил своим вниманием весь Гутин список незамужних женщин, выбор его отчего-то пал на Алиссию. Та приняла это как должное, ухаживание не отвергла и вскоре у двух серьезных людей завязались серьезные отношения. Анкета у Геннадия Архиповича была в порядке, правда, он был когда-то женат, но жена бросила его и уехала на Украину. А больше никаких компрометирующих обстоятельств. И потом – за полгода он проявил себя с самой лучшей стороны. Правда, Гутя иногда задумывалась, что же именно притянуло мужчину к ее сестре, но она отгоняла подобные мысли – в конце концов любовь слепа. И вот теперь такая оказия!

– Нет, Варя, у него никаких зазноб в анкете не значилось, я точно помню... Но кто же тогда вытворил это безобразие?

– А я вот все время думаю, – заговорил вдруг Фома, запихивая в рот сырую сосиску. – И когда ж это Аллочка столько детей успела народить? И ведь скрывала где-то! Какая загадочная, правда?

Гутя с дочерью воззрились на него с неподдельным изумлением.

– Аист принес, – съязвила Варька. – Бешеный. Какие у Аллочки дети?! Откуда?!! Ты что, не понимаешь, что ее подставили?! Вот так взяли и разрушили всю свадьбу!

Фома от возмущения долго не мог проглотить сосиску, потом яростно блеснул глазами:

– Мне бы посмотреть на этих разрушителей! Вот так просто взять и в глаза им взглянуть! А потом взять и... аппендикс вырезать! Без всякого наркоза!

Страшные грезы Фомы прервал звонок в дверь.

– Ой! – ухватилась Гутя за сердце. – Неужели Геннадий Архипович вернулся? А у нас Аллочка в пьяном состоянии...

– Мама! Если это он, мы его самого до такого состояния вмиг доведем, лишь бы только вернулся, – пообещала Варька и побежала открывать двери.

Их надежды не оправдались. Все оказалось куда плачевнее: на свадьбу к младшенькой доченьке из деревеньки заявился папаша, да не один, а в составе скромной делегации из двух мужичков того же места проживания.

– Ну, дочура, встречай! – широко раскинул он руки навстречу добитой вконец Гуте. – Заждались поди? А мы вот... с мужиками решили свадебку украсить. Где они – молодожены? Тащите их скоренько ко мне, буду лбызать в уста сахарные!

От батюшки нещадно несло перегаром, вероятно, радостное событие они со товарищи начали отмечать задолго до дня регистрации брака. И все же Влас Никанорович – так звали отца обеих великовозрастных дочурок – выглядел молодцом, не в пример Гуте.

– Папа? Про... ходите... – вяло пролепетала она и растерянно прошла в комнату.

Варька тоже немного скисла, но все же послушно улыбнулась и кинулась показывать гостям, где им удобнее расположиться. Фома и вовсе проявил себя с наилучшей стороны (вероятно, не давала покоя оплошность со сбежавшим женихом), он щедро вытряхнул из морозилки заледеневшие сосиски и даже

собственноручно нарезал хлеб.

– Так я чего говорю-то! – снова забасил папаша. – Я так и говорю: а подайте мне сюда молодоженов!! Я их целовать собираюсь!

Гутя немного отошла от шока и теперь прибитой курочкой не выглядела.

– Пап, ну чего ты раскричался-то? Никаких молодоженов нет, не было у Аллочки бракосочетания.

– Это как же не было? – опешил отец. – Без расписки проживать собираются? А листоран? Неужто не заказали?

Гутя испуганно заморгала глазами.

И в самом деле – ресторан уже давно заказан, через час там соберутся гости, а с молодоженами такая неприятность. И ведь объяснять людям уже совсем нет времени...

– Варя! – в ужасе кинулась она к дочери. – А с рестораном-то что делать? Ой ты господи, ну ничего не получается!

Варька тоже испуганно моргала глазищами и ничего дельного предложить не могла. Выручил Фома.

– А чего с рестораном делать? Там уже все сделано, – пожал он плечами. – Теперь надо туда кого-нибудь отправить и сказать, чтобы гости гуляли без молодых. Я думаю, после пятой рюмки гости уже и не вспомнят, по какому поводу собрались... Ну, а тем, кто особенно расстроится, можно предложить их же собственный подарок молодоженам в качестве утешительного приза.

– А кого отправим-то? – все никак не могла успокоиться Гутя. – Мне вот сейчас никуда не хочется выходить, ну просто никуда. Варя, может, вы с Фомой сходите? Потанцуете там – тра-та-та, тра-та-та...

Фома категорически замотал головой:

– Какое «тра-та-та»? Я после сегодняшних силовых упражнений с невестой и вовсе двигаться не могу. Полежать тянет.

Варька поспешно кивнула:

– Точно. Мам, так давай деда отправим. Он заодно и с тетками встретится!

Действительно, сегодня в ресторане собирались многочисленные сестры Алочки и Гути, встречаться с которыми последняя совсем не стремилась. И у нее были на то причины.

Дело в том, что жизненный путь Гутя начала в маленькой деревушке. Папа, вот этот самый приезжий бравый мужчина, самозабвенно мечтал о сыне, но жена-упрямица рожала ему только дочерей, назло, что ли? Дочерей Влас Никанорыч не хотел совершенно – чего с ними делать-то? Ни дров нарубить, ни крышу подлатать, ни кабанчика зарезать, куда ему такие работники? Он так расстраивался, что даже имена дочерям давал так, спустя рукава – в каком месяце родились, такое и имечко вписывалось в метрики. Очень скоро в избе Клоповых бегали Марта, Майя, Декабрина, сама же Гутя прозывалась Августой, потому что родилась в конце лета. Это она уже потом, после известного фильма про человека-амфибию, себе имечко выдумала, стала Гутиэрой прозываться. А Алочка – та и вовсе в феврале народиться умудрилась. Но уж жить Февралиной... Она едва дотерпела до получения паспорта, а там уже немедленно в Алочку переделалась. И ведь что интересно: все эти сестры, «двенадцать месяцев», такие славные росли да пригожие, а женихов в деревне им не находилось. Да их никому не находилось, не было парней на деревне, и все тут. Гутя первая сообразила, что за семейным счастьем надо подаваться в город. И очень скоро это самое счастье обнаружила – выскочила замуж за рыжеволосого, веселого Ваську и, не откладывая дела в долгий ящик, родила от него доченьку Варьку. Поздравить молодую мамашу немедленно прибыла из деревни старшенькая из сестер – Марта. И так ей приглянулась молодая семья, причем даже не сама новорожденная племянница, а ее рыжий папенька, что она этого Ваську и увела.

Сестры долгое время не общались – Гутя вдруг решила обидеться и из-за такой мелочи забыть зов крови. Но после того как на горизонте Гутиэры замаячила новая любовь, обиды были забыты. И совершенно напрасно: не успели молодые расписаться, как молодого супруга у Гути снова увела родная сестрица, теперь уже Майя. Когда Гутя решила расписаться в третий раз, она об этом ничего

родственникам не сказала. Но те и сами все узнали, и поздравить молодоженов приехала уже Декабрина. Стоит ли говорить, что и третий муж Гути плавно перетек в нежные руки сестрицы. После этого Гутиэра зареклась вообще выходить замуж. Ну или, по крайней мере, до того, как совет гнездо ее младшенькая сестрица – Аллочка. Аллочка почему-то решила свить гнездо прямо в квартире Гути, замуж не торопилась и Гутиэра Власовна, известная в семейных кругах как талантливая сваха, сама по сей день оставалась незамужней. С сестрами же отношения со временем наладились, однако встречаться со всеми своими бывшими мужьями в уютной, родственной атмосфере Гутя отчего-то не слишком вождедела.

И все же в такой знаменательный день, как Аллочкина свадьба, пришлось собрать волю в кулак, наступить сапогом на самолюбие и собираться на совместное пиршество. Теперь же оказалось, что молодоженов нет, а следовательно, и появляться в ресторане Гуте было незачем.

– Мам, так я говорю: давай деда отправим! – снова предложила Варька.

– Точно, пап! Сходите, а? – засветились глаза у Гути.

Влас Никанорыч капризничать не стал. Напротив, как-то браво выгнулся, орлом взглянул на спутников и усмехнулся в вислые усы.

– Ну отчего ж не уважить общество? Сходим. А, мужики? Я грю – в ресторан сходим, а?

Мужики – два замызганных создания с увесистыми котомками – дружно закивали головами.

– Во! Мужики одобряют. Токо... – деловито нахмурился Влас Никанорыч. – Токо, доча, нам сперва надо помыться в ванне. Не можем же мы вот так, с устатку и прямо в ресторан! Верно, мужики?

Мужики, словно дрессированные тюлени, снова в лад задергали головами.

Гутя молчком побежала готовить ванну, а приезжие гости принялись располагаться.

После длительной купальной процедуры папаша потребовал «рюмашку для чистого тела». Потом решил познакомиться с котом, а за знакомство требовалось выпить еще одну рюмочку. Кот знакомиться не собирался, а даже напротив – оцарапал назойливого гостя, после чего тому приспичило смазать ранку водкой, причем выяснилось, что лучше принять «лекарство» внутрь. Потом понадобилась рюмочка для снятия стресса. После еще одна, а затем, весело блестя хмельными очами, батюшка и вовсе заявил:

– Я, слышь, чего грю, мужики! А на кой леший нам ваабче этот листоран сдался? Нам и тут хорошо, а?

Мужики масляно улыбались и кивать уже не могли.

– Во, дочура! Мы так и порешили – сбегай-ка ты нам за бутылочкой, а мы тут посидим.

– Но... – начала было Гутя.

– А я грю – посидим! – властно рявкнул отец. – Потому как у нас горе! Беги, грю, за бутылочкой!

Гутя уже не могла спорить, возмущаться, ей хотелось, чтобы этот шальной день поскорее закончился. За бутылочкой, конечно, она не побежала – сбегал Фома, а Варька уселась за телефон и принялась обзванивать теток и сообщать, что гулянье сегодня состоится без новобрачных.

– Ты, Варь, скажи им... слышишь, Варя! Ты им скажи, что у нас жених занемог! – громким шепотом поучала дочь Гутя. – Скажи, сами не знаем, что с ним стряслось! Побелел, мол, весь, пена ртом пошла...

Варька послушно плела всякую ересь на почтенного Геннадия Архиповича, а тетушки долго охали в трубку, сокрушались о несложившейся судьбе младшенькой сестрицы. Однако от ресторана не отказались и пообещали отгулять весело, как если бы жених и не занемог. Еще и выразили надежду, что, дескать, когда пена у молодого уляжется, можно будет и еще собраться, они не откажутся.

Гутя немного успокоилась и собиралась тихонько удалиться в свою комнату, дабы мирно всхрапнуть после тяжелого дня, однако Фома уже принес заветную бутылочку, и папеньке требовалось выплеснуть душу.

– Гутя! – кричал он из кухни. – Иди к нам!! Соболезнуй!

Одного Фомы, который терпеливо восседал за столом вместе с гостями, ему было явно недостаточно.

– Ты, доча, только послушай! У нас такое горе, такое горе... Петрович! Ну какого лешего ты в рот как воды набрал?! – накинулся отец на притихшего пьяненького друга. – Я, что ль, буду посвящать всех в твои напасти?! Ты думаешь, если ты вот так молчком просидишь, тебя здесь пригласят еще на недельку остаться? Не-е-ет, мил дружок, надо про свою беду подробности изложить, тогда моя дочь растает, и живи ты у нее здесь хоть цельный месяц!!

Все Неверовы, заслышав про «цельный месяц», словно утиная стая, синхронно крякнули, вытянулись и приготовились к самому худшему.

Петрович же дернул носом, пригорюнился, воровато опрокинул рюмочку и горестно развел руками.

– Дык... а каки подробности? Корову мою споганили. Обесчестили, можно сказать... надругались...

– Господи... – тихо выдохнула Гутя. – И что с ней такое вытворили?

– И главное – у кого ж на животное-то рука поднялась? – удивился даже Фома.

Петрович злобно сверкнул глазами на своего соседа – молчаливого моложавого мужика и ткнул в него скрюченным пальцем.

– Вот у яго! У Терехи! Пар-разит! У-у! Как дал бы! – замахнулся он на приятеля и тут же любезно пояснил хозяевам: – Он моей Дуське все роги отпилил! А кака корова хороша была! Я ее аккурат продавать собирался, так он, варнак... У-у! Как дал бы!

Тереха быстро вытер нос рукавом и торопливо принялся защищаться:

– А и правильно! А чего мне делать-то? – на всякий случай отодвинулся он с табуреткой подальше от яростного рассказчика. – Вот вы сами рассудите: оставил я, значит, машину возле ворот. У меня машина – «Жигули»! И черт попутал мою бабу на заднем сиденье буханку хлеба забыть. Она, вишь ты, из дальней деревни специально себе какой-то с отрубями покупает, от нашего, деревенского, у ее, вишь ты, нутро пучит! Ну и оставила. А корова эта... Я прям и сам не соображу – как она за этой буханкой в машину-то влезла? Я ж все стекла закрыл! А может, и не закрыл... точно, не закрыл, потому что жара была... Ну и она просунулась туда-то, к буханке башкой, а обратно никак не получается у ее. Рога ж мешают! И еще, главное дело, мукает! Мы с тестем все извелися, пока ее из «Жигулей» выковыривали! А все одно – не высовывается башка коровья, хошь ты тресни! И, главное дело, корова уж и сама б рада назад-то, ан нет – рога в стекла не пролазят! Ну мы с тестем и того... пилой отпилили. И все только затем, чтоб не мучилась животиная! А этот!... Набежал, орет «кто над моей Дуськой надругался?! Какой самасшедший на роги позарился?!»

Хлипенький Петрович подался тщедушным тельцем на здорового Тереху и визгливо заверещал:

– А и чего такого неправильного сказал?! Самасшедший и есть! Подлачился к корове, так и бери ее всю! А он роги открутил, а теперь!.. Она и так-то не красавица была, токо и добра, что вымя, а теперь кто такую корову возьмет?!

– Что это значит – кто возьмет?! Да меня не просто возьмут – схватят!! – неожиданно появилась в дверях заспанная Аллочка. Естественно, по ее мнению, сегодня говорить могли только о ней, поэтому и рассказ про несчастную животину она приняла на свой счет. – Тоже мне – утешители... «Вы-ы-ы-ымя»!

Гутя кинулась кормить бурчащую сестрицу, а Влас Никанорыч, обтерев усы, полез к младшенькой с поцелуями.

– Ну, милая дочь, давай-ка лобызаться в уста сахарные, с самого приезда жду... – полез он через стол. – Чмокни отца-то, да садись, рассказывай – отчего твой жених, раскудрит его в кандибобер, от такого счастья отказался?

Аллочка немного подумала – стоит ли ворошить рану на виду у всех желающих, но видно решила, что от бабушки все равно никуда не деться, промямлила:

– Он, пап, трусоват оказался. Детишек моих испугался.

Невинное Аллочкино признание чуть не довело отца до инсульта.

– Эт...то каких таких твоих... детишек? – гусаком выгнул он шею и страшно зашипел. – Эт...то откуда у тебя твои-то детишки завелись, ежели ты в замужах не бывала, а?! Не крутись веревкой!! Отвечай отцу, паскудница!!

– Пап, ты чего орешь-то, как рыбак на льдине? – нисколько не испугалась отцовского гнева Аллочка. – Это и не мои вовсе дети-то оказались. Откуда-то набежали, стали меня за руки хватать, кричать «мама!», «мама!». А я смотрю – дети-то не мои совсем! У меня ж и вовсе детей-то не родилось еще. Ну а Геннадий этого не знал, думал, я ему приятный сюрприз хочу сделать... – она тяжело вздохнула и сказала: – Не вынес. Слабоват оказался.

Гуте очень хотелось задать Аллочке пару вопросов, но при посторонних не хотелось. А посторонние уже приступили к решительным действиям.

– Слышь, Никанорыч! – встрепенулся Тереха. – Надо с женихом-то встретиться! Чего ж это он творит, а?! Мы его вот так в мою машину запихаем, стеклоподъемничком головку прижмем...

– И роги ему отпилим! Хи-хи! Как моей Дуське – корове, прости господи! – пьяненько хихикал Петрович.

– Цыть! – долбанул кулаком по столу Влас Никанорыч. – Не могла моя Алка ему роги наставить! Нечего ему пилить! А ты, Петрович, будешь мне тут чушь про дочь собирать, так я тебе эти самые макароны на шею повешу, как бусы!!

Гутя поняла, что гостям уже не до хозяев, тихонько увела Аллочку в свою комнату, следом за ними шмыгнула Варька, а потом и Фома пришел. И все вместе они попытались разобраться – что же на самом деле произошло в загсе.

– Аллочка, ты сейчас не волнуйся, а просто вспомни, – теребила сестру за пуговицу Гутя. – Может быть, Геннадий тебе говорил, что у него какие-нибудь непонятные знакомые имеются?

– Или где-нибудь жена брошенная осталась? – подключился Фома.

На него злобно зыркнули, и он решил больше в процесс беседы не вмешиваться.

– Может быть, просто так про кого-нибудь рассказывал? – ласково спрашивала Варька.

Аллочка только надувалась индюком и отфыркивалась.

– Да чего он мне расскажет-то? Он только все меня расспрашивал. Вот так обнимет, бывало, за плечики, посмотрит в глаза пристально и пытается, правда ли, что папа у меня генерал московский, или еще – в самом ли деле твоя, Гутя, квартира на меня переписанная... – Аллочка мечтательно закатила глазки и вспоминала приятные мгновения. – А потом еще спрашивал, в каком банке мои сбережения, очень волновался, чтоб тот банк не лопнул...

Варька прикрыла распахнутый рот ладошкой, затем все же решилась уточнить:

– И ты, Аллочка, что же – всю эту лапшу ему на уши вешала? То есть... что у тебя отец генерал?.. Квартира?.. Да как же ты могла?

Аллочка всерьез обиделась на непонятливую племянницу:

– А чего не мочь-то? Нет, главное, она еще удивляется! А как мне было мужика заинтересовать, если у Гути в каталоге все женщины с машинами, с квартирами, да еще и в бриллиантовых колечках? Мне что же – всю жизнь в невестах торчать?! «Как ты могла-а-а!» Конечно! Пришлось немножко приукрасить мое состояние! Гутя, между прочим, я все хотела спросить, а ты что, и в самом деле не собираешься квартиру со мной разменивать?

Гутя на такой вопрос и вовсе решила не отвечать – она уже столько лет ждала, когда у младшей сестренки проснется хоть какая-то совесть.

– Единственное, что меня теперь успокаивает во всей этой истории, – с облегчением вздохнула она, – так это то, что жених оказался умственно нормальным. А то, когда он тебе, Аллочка, предложение сделал, я уж подозревать начала, что у него с головой проблемы, не перешло бы по наследству. А если из-за папочки-генерала...

– Вот и я говорю! – всхлипнула Аллочка. – Мужик нормальный, а Фома его упустил!!

Фома отвернулся к окну и стал пристально разглядывать, как огромная ворона с куском колбасы громоздится на ветку тополя.

– И ведь у людей не всегда колбаса на столе, а тут ворона – и с сервелатом! – удивленно воскликнул он.

Варька подошла к окну, резко дернула Фому за футболку и вернула мужа в семью:

– Я думаю, сделаем так, – приняла она решение. – Мама... Мам, когда у вас встреча с вашими девицами?

Девицами Варька называла незамужних женщин из Гутиного каталога, которым не стукнуло еще шестьдесят.

– Так завтра и соберу! – мигом откликнулась мать. – Мне чего: скажу, что поступил новый жених, и попрошу посмотреть фотографии.

– Вот и хорошо. Посмотрите фотографии, а потом ты тихонько визнаешь, не держит ли кто обиду на Геннадия Архиповича, как-никак он со всеми там у вас в любовь играл, очень ласковый мужчина, – сказала Варька. – А я завтра на сеансе тоже постараюсь что-нибудь вызнать.

Варькины психологические сеансы имели среди клиентов Гути большую популярность, и девушка решила этим воспользоваться. Раньше Варвара работала в одной фирме, и ей там нравилось, но после того как однажды она простояла на остановке полтора часа и сильно простудилась, Фома запретил ей работать вдалеке от дома. Вблизи же Варя ничего подходящего найти не могла,

и тогда она пошла на курсы психологов, потому что психология всегда притягивала ее. Незаметно для себя девушка так втянулась в новую профессию, что и дневала, и ночевала в обнимку с трудами известных психологов. Гутя же, видя, что рядом проживает совершенно бесхозный психолог, решила немедленно прибрать такого специалиста к рукам. Теперь она могла смело говорить, что «их фирма по созданию семьи предоставит вам, если не жениха, то уж психолога непременно! Правда, за отдельную плату». Люди пошли, Варька старалась вовсю, и дело от этого только выигрывало. И вот сейчас Варвара решила использовать производственное положение в личных целях. И в самом деле, надо же было узнать, кто это свел многолетний маменькин труд к нулю.

– А ты, Аллочка...

– А я, – набычилась Аллочка, и кулаки у нее непроизвольно сжались, – завтра же навещу своего благоверного и спрошу, какая сволочь рассказала ему, что у меня нет денег на счету и папа мой не генерал!

– Тихо-тихо-тихо! Угомонись, – остудила ее Гутя. – Может, он еще ничего этого и не знает. Просто возьми, навести Геннадия и расскажи, что никаких детей у тебя не имеется. А если надо, мы в свидетели пойдем.

– А я... – начал было Фома, но на него только махнули рукой.

– А ты утречком проснешься и работать, работать, работать, – докончила за него Варька. – Надо же иметь хоть одного нормального работника в семье.

И в самом деле. Единственный, кто приносил в дом строго фиксированную зарплату, был Фома. Он работал хирургом в частной клинике и судя по заработкам хирургом слыл известным. А потому и отношение в семье к нему было заботливое и бережное. Его редко брали с собой на вечеринки – дабы не устал, фильмы после одиннадцати смотреть не позволяли, а уж такими мелочами, как «куда ушли деньги», и вовсе старались не докучать, чтоб не тревожить нервную систему.

Решив все выяснить завтра, домочадцы потянулись к спальням – уж очень беспокойным выдался денек.

Следующий день тоже не многим прояснил ситуацию.

В этот раз Варька отнеслась к своей работе как никогда серьезно – вслушивалась в каждое слово клиентов, всматривалась в глаза. Вниманием не обходила никого – ни женщин, ни мужчин, кто знает, вдруг тетушке удалось разобидеть кого-нибудь из мужского состава, и он расстроил ее свадьбу, а заодно и пустил по ветру все надежды Неверовых на скорейший Аллочкин отъезд.

И все же ничего познавательного она не услышала. Клиентка Валерия спрашивала – если у нее появится мужчина, не повредит ли это психике ее песика, потом Антон Андреевич – старый обожатель молодых дев – жаловался, что тем только подавай молодых жеребцов, а его интеллекта никто не замечает, а в конце Варькиного рабочего дня заявила Виктория Даниловна и потребовала, чтобы Варькин муж – Фома – непременно сделал ей пластическую операцию, потому что другие хирурги уже не берутся. И все. Больше в этот день посетителей не было. Оставалось ждать, что расскажет мать.

Гутя еще в начале дня всех обзвонила и уже в семь вечера бойко носилась по кабинету (она его снимала совсем дешево, по знакомству) и резво раскладывала перед каждым бумажные листы.

– Вот-вот-вот! Заполните анкеты, это безумно важно! – щебетала она. – Очень скоро у нас будет новое поступление женихов и невест, так сказать, вольется свежая струя, так что наши старые анкеты никуда не годятся!

Заслышав про новое поступление, члены клуба резво водили карандашами по бумаге, вспоминали свои новые лучшие качества и фантазировали на тему «кто ты, моя половинка».

– Дарья Викторовна, не надо писать, что вы имеете две машины и две квартиры, так чего доброго афериста привлечете. Напишите скромненько – материально не нуждаюсь.

– Нет уж, напишу как есть, – упрячилась Дарья Викторовна. – В прошлый раз не написала, так ко мне из всего потока так никто и не подошел. А я, между прочим, целых два с половиной часа в парикмахерской просидела!

Расстроенная женщина бросила ручку и отодвинула листок.

– И вообще! Ерундой мы здесь занимаемся! – агрессивно высказалась она. – У психолога что-то мямлим, дневники какие-то ведем, у вас здесь что-то строчим – анкеты выдумываем, а толку ни на грош, только деньги зря выкидываем!

Гутя оскорбилась. Между прочим, Дарья Викторовна могла бы этого и не говорить – плату Гутя брала только после свадьбы, а если Дарья Викторовна и заплатила, так это за дело: совсем недавно она в Гутином клубе знакомств нашла невесту для своего великовозрастного сынишки. Парню было уже за тридцать, он никуда не ходил, никого к себе не приглашал, засиживался у компьютера и, если бы не Гутя, так бы и остался «старой девой». А здесь ему подыскали скромную, милую девушку, и всего месяц назад молодые стали законными супругами.

– Дарья Викторовна, – укоризненно покачала головой Гутя. – Ну почему же мы занимаемся ерундой? А ваш сын? Он же в нашем клубе женился! А Моисей Никодимыч? Помните, как он за вами ухаживал? И если бы не столкнули его тогда в лужу, вы бы тоже могли быть супругой. А Геннадий Архипович? Да! Кстати! Геннадий Архипович тоже за вами ухаживал! – Гутя вдруг вспомнила, что Аллочкин жених и в самом деле ухлестывал за капризной дамой.

Однако Дарью Викторовну не так-то просто было перестроить – сегодня она намеревалась куражиться.

– Ой, я вас умоляю... – по-кошачьи лениво промяукала она. – Мишеньке нашли невесту, конечно. Замечательная девочка! Такая вся... крутится чего-то, вертится! Серенькая такая, невидная провинциалочка, ничего не умеет, ничего не может... Однако старается. Но ведь это у сына! А у меня ничего не получается! – вдруг взволновалась она. – И этот ваш Моисей Никанорыч! Я вовсе не собиралась за него замуж! Он же без своих костылей и шагу ступить не может – сам в лужу и сиганул, только чтобы меня не переносить! И Геннадий этот ваш – ни кожи, ни рожи, ни кошелька! Зато ужимок! Самомнения! И вообще, никого порядочного ко мне еще не прибило, хотя на жизненном пути одни штормы, одни штормы! И никто мне не поможет! И некому протянуть руку помощи! Все плохо!

Гутя обиженно засопела – все ее труды были вот так взяты и охаяны!

– Может, вам обратиться к Варе? Она умеет замечательно успокаивать, – осторожно проговорила она.

Однако Дарья Викторовна только безнадежно махнула рукой:

– Мы у вашей Вари уже все побывали. Я даже несколько раз, мне ничего не помогает. Ну что она скажет – ведите дневник, все хорошее подчеркивайте и перечитывайте, все плохое сжигайте и любите! Любите себя! – Дарья Викторовна очень похоже передразнила Варьку. – А у меня этих дневников!.. Нет, может, кому-то и везет, я не спору, – пошла на попятный Дарья Викторовна. – Только мне совсем некогда эти вот бумажки заполнять.

– А и не заполняйте! – вдруг радостно воскликнула Лариса Вадимовна – веселая моложавая женщина. – Вот поступят новые мужчины, нам больше достанется! Верно, Лерка?

Валерия, или Лерка, как ее звали знакомые, была очень приятной женщиной, и уже давно бы создала семью, если бы не являлась таким ретивым собаководом. Все говорили, что собак она любит куда больше, чем мужчин, и выгоняет любого жениха, который за ее Босса – шоколадного чау-чау – не согласится отдать жизнь.

– Нет, девочки! А я вот серьезно верю, что именно в этой партии ко мне приедет мой принц на белом коне. Или хотя бы на лимузине!

– Или хотя бы просто конь... – робко поддержала ее еще одна острячка – Татьяна Соловьева – девушка, которая недавно лечилась от алкогольной зависимости.

Ситуация разрядилась, листки уже аккуратно сложили на Гутин стол, и та же Лариса прилипла к Гуте с нескромным вопросом:

– Гутиэра Власовна, а вы нам расскажите, как прошла свадьба-то? Правда, что у вас отец – генерал? Аллочка нам все уши прожужжала!

Гуте пришлось изворачиваться, краснеть и выкручиваться из последних сил.

Домой она пришла уставшая и издерганная – сегодня так и не удалось узнать, кто же подложил сестрице свинью в свадебный день. Но, переступив порог, она сразу же забыла про свою усталость: в маленькой, уютной кухне раздавались мужские голоса, среди которых явно выделялся баритон Геннадия Архиповича.

– Неужели они его притащили? – не могла поверить Гутя. – Ну и слава богу. Хотя... Вот именно сейчас он узнает, что наш папенька ничего общего с генералом не имеет, и опять придется его ловить. Интересно, а Фома уже дома?

Фомы дома еще не было – зять никогда не приходил с работы так рано, зато за столом восседали все остальные в полном составе – и благородный отец семейства в широченных цветастых трусах, и оба его товарища по деревенскому жительству, и Варька, и раскрасневшаяся Аллочка, и сам виновник вчерашнего переполоха – Геннадий Архипович.

– ...А я еще думаю: как же это я не заметил у моей возлюбленной такого богатого приданого? – вовсю делился впечатлениями жених. – Кстати, я почему-то вообще никакого приданого не заметил, уж вы подсуетитесь, неловко как-то...

– А мы думаем – и чего его унесло?! Прямо был мужик, и как ветром сдуло! – успешно не расслышал просьбы о приданом Влас Никанорыч. Тут он заметил Гутю, и восторг его вскинулся на новые вершины. – Гутя!! Доча! Глянь, а мы его притащили все-таки! Прямо так вот пошли с мужиками, и все! И за шкворник его! Дескать, женись, скотиньяка, не позволим девку позорить!

Аллочка сидела, скромно потупив глазки, вертела из подола халата свиное ухо и по обыкновению млела, если речь шла о ней.

– А я и не думал скрываться! Вы, Гутиэра Власовна, это запишите в моей анкете, вдруг еще сгодится, – настаивал Геннадий Архипович. – Совершенно не думал. Вот так сидел дома и горевал, сидел и горевал. И все размышлял: как же это я детей-то не обнаружил? Расстроился, думал – теряю хватку. Ан нет! Детишек-то никаких и не было!

Гутя расплывалась в счастливой улыбке и даже боялась спросить – заметил ли молодожен, что с батюшкой у Аллочки некоторые накладки? Жених об этом разговорился сам.

– Тут мне Аллочка говорила, что Влас Никанорыч генералом служит, а опять же оказалось, что вовсе и нет, – криво улыбался он, искоса бросая боязливые взгляды на будущего тестя. – Так я, Гутиэра Власовна, вы это тоже в анкетке упомяните, так я даже и не расстроился! Даже и плюнул на батюшку, думаю – ну зачем мне в родне генералы, правда? Еще, упаси господи, строем заставит маршировать, а я ведь не строевой конь, правда же? И вот так вот... деревенским зятем буду...

При этих словах радостный пыл у Геннадия как-то схлынул, однако он все равно продолжал держаться молодцом.

– Вот и славно, – с облегчением выдохнула Гутя. – И ничего страшного, я вот тоже – деревенская дочь, а вон как замечательно устроилась: и своя квартира в городе, и свой бизнес, пусть маленький, но...

Тут Гутя почувствовала под столом ощутимый пинок – Аллочка смотрела на нее, страшно выкатив глаза и сжав губы. И в самом деле – про квартиру Гуте надо было промолчать, не следовало все секреты раскрывать несчастному жениху в первый же вечер.

– Значит, свадьбу будем играть на следующей неделе, – хлопнул по столу ладошкой отец. – Гутя, а мы пока у тебя проживем. Не ездить же нам туда-сюда каждый раз.

Гутя скисла. Ей предстояло собрать Аллочку в очередной свадебный поход, надо было успевать крутиться по работе, Варька пропадала на своем новом рабочем месте, а еще требовалось регулярно кормить Фому. К тому же она прекрасно помнила, какого внимания к себе требует ее отец, когда наезжает в гости. В прошлый раз, когда он был, потребовал себе отдельную комнату, каждый день пива без газа, свежий букет на стол и кровавый бифштекс в постель. Где батюшка нахватался такой пошлости, вызнать так и не удалось, но нервы он им с Варькой испортил основательно. Сейчас же гости в жизненный Гутин распорядок никак не вписывались. Но пока она подбирала слова, как бы повежливее намекнуть гостям про некоторые неудобства, Аллочка уже трубно басыла:

– А чего эт ты, папенька, у нас проживать станешь? Тебя вон Марта к себе звала, Майка тоже. Обижаются, Майка даже плакалась мне вчера! Давай-ка собирайся,

навести дочерей. Я думаю, если сейчас нагрянешь, для них будет сказочный сюрприз.

Влас Никанорыч не хотел покидать насиженного места, однако ему льстило, что из-за него образовалась такая борьба. А посему он собрался довольно быстро, решив и в самом деле устроить средней дочери сказочный сюрприз.

Вместе с отцом стал собираться и Геннадий.

– Аллочка, сокровище мое, – припадал он к толстой ладошке Аллочки. – Я не могу тебя оставить, но... Но обстоятельства требуют. Потерпи, котик мой, совсем скоро мы соединим наши судьбы и уже ничто не сможет нас оторвать друг от друга! Теперь я никуда не сбегу, ласточка моя!

– Я верю тебе, – курлыкала «ласточка». – Тем более что твой паспорт папенька забрал. Я тебя буду ждать завтра!

Выпроводив всю компанию, Гутя уселась за стол и вопросительно уставилась на дочь.

– Варь, что здесь случилось-то? Как это Геннадий Архипович все узнал, простил, да еще и решился на женитьбу?

– Он просто любит меня без ума, – появилась в дверях Аллочка с куском булки во рту.

Гутя и Варька медленно перевели на нее взгляд, а потом одновременно взорвались:

– Аллочка!! Немедленно выплюнь булку!! Держи себя в форме, ну надо же хоть чем-то отблагодарить несчастного Геннадия Архиповича!!

«Ничего не получается! У меня опять ничего не получилось! Мне так нужно было сделать добро, а оно не получилось. Придется приступить к решительным мерам. Потому что надо восстановить справедливость, надо уберечь мир от зла. Нужно спасти слабых, слепых женщин от непоправимого... И это могу сделать

только я!»

Глава 2

Дурные ноги голове покоя не дают

Поиски тех, кто так вероломно решил порушить Аллочкино бракосочетание, заглохли сами собой – нужно было заново готовиться к свадьбе. И хоть в этот раз решили отметить радостное событие в скромном семейном кругу, забот не убавилось. Теперь Аллочка отчего-то решила, что ей просто необходимо новое свадебное платье.

– Конечно, мне хотелось бы много гостей, много подарков, но... если уж вам так жалко на меня тратиться, если уж вы решили бессовестно на мне сэкономить... – капризно дула она губы.

– Нам не жалко, и на тебе не сэкономишь, мы пробовали, – бодро обрывала ее Варька. – Просто примета плохая, если одних и тех же гостей зовешь на вторую свадьбу подряд, понятно? То есть, если ты снова соберешь такую же толпу, твой жених опять удерет. Или снова дети набегут. И кто знает, может, они еще и со своими отцами заявятся!.. Ой, не улыбайся так благостно, судя по всему, папаши у них совсем пропащие люди! Потому что, как ни верти, примета отвратительная.

Аллочка побаивалась плохих примет, поэтому активно спорить не решалась. Зато отрывалась на полную катушку по «мелочам».

– А я вот слышала, что одни и те же кольца на вторую свадьбу тоже не надевают! – мигом соображала она, решив пополнить свой золотой запас за счет жениха.

– Но... любимая... – лепетал Геннадий Архипович. – Ты ведь на первую свадьбу это колечко не надевала. Его вообще никто из коробочки не доставал.

– И кто в этом виноват?! – мгновенно вспыхивала Аллочка. – Я разве виновата, что ты сбежал прямо из-под венца?! Бросил меня, несчастную, одну с этими детьми!! Без алиментов!.. Ну да бог с ними, с алиментами, меня куда-то не туда... Но ты не подумал – а что, если я вообще на нервной почве расстроюсь? А если я вообще... а если я первая от тебя сбегу?!

Неизвестно, как угораздило Геннадия Архиповича так влюбиться в Аллочку, но такого он допустить категорически не мог.

– Хорошо, сокровище мое, – понуро мотал он головой. – Завтра же пойдем за новыми кольцами. Я в «Кристалле» видел совсем недорогие колечки, тоненькие такие. Мне покупать не надо, а на одну тебя уйдет рублей двести...

Аллочка на все его расчеты только презрительно фыркала.

Жених хоть и соглашался с невестой, однако поход в ювелирный магазин все время оттягивал. Зато Аллочке и помимо этого было чем похвастаться. Каждый вечер она надолго прилипала к зеркалу, придирчиво разглядывала жирненькие складочки на талии и хвастливо сообщала:

– Генаша сказал, что мы у вас жить вовсе и не будем, – она крутила мощными бедрами перед самым экраном телевизора, напроць заслоняя своим крупом всю видимость. – Генаша сказал, что у него своя квартира имеется, мы вчера ходили, смотрели. Он мечтает, чтобы я скорее стала там хозяйкой.

– Ну и что тебе мешает?! – вскидывался Фома, который безрезультатно пытался усмотреть диктора через фигуру родственницы. – Давно бы уже переехала, все устроила бы по своему вкусу, а после свадьбы сразу в семейное гнездышко! Прямо не пойму, и чего кочевряжишься?

Аллочка усаживалась в кресло, качала тапкой, медленно жевала очередной бутерброд и поясняла Фоме, будто младенцу:

– Ну и чего я поеду-то? Там кто за мной ухаживать-то будет? Там же надо убираться! Все сама да сама! Еще намучаюсь... – и она протяжно вздыхала, будто собиралась вовсе и не замуж идти, а занималась таскать баржи по Енисею. – Нет уж, пусть он сам устроит для своей птички уют и комфорт, а я еще посмотрю...

У Гути лопалось терпение.

– Конечно, посмотри, – едва сдерживаясь, цедила она сквозь зубы. – Только запомни, если ты мне этого Генашу упустишь, если довыстряпываешься, так и знай – я тебя лично упакую, как багаж, и вместе с отцом отправлю. А Тереха тебя до деревни еще и доставит на своих «Жигулях»!

– А я...

– А ты, если станешь выпендриваться, – повысила голос Гутя, – он тебе голову в стеклоподъемник запихает и... и что-нибудь отпилит, у него опыт есть!

Аллочка замолкала, но барские повадки не бросала.

В четверг она все же ухватила быка за рога, то есть Геннадия Архиповича за кошелек, и решительно заявила:

– Все! Сегодня едем за кольцами! И не крути глазами: скоро свадьба, а мне даже на палец надеть нечего!

Жених сдался.

Вместе с молодыми поехала и Гутя. Она все же опасалась, что Аллочку опять куда-нибудь занесет, и такой замечательный Геннадий Архипович от нее откажется.

Магазин «Кристалл» встретил их сияющими витринами, огромными зеркалами и приветливыми улыбками продавцов. Кругом неторопливо ходили покупатели в дорогих шубах, мужчины с бычьими шеями тыкали толстыми пальцами в стекло витрин, крутили массивные цепи и шли к кассам. Женщины замирали возле бриллиантов, и все это тихо, почти безмолвно – среди золота и драгоценностей царил почтенная тишина. Гутя даже растерялась от такой роскоши. Зато Аллочка повела себя уверенно – не задерживаясь, миновала лотки со скромными обручальными колечками и напрямик направилась к витрине с бриллиантами.

Геннадий Архипович даже голос потерял от такой неожиданности. Он только стоял посреди зала и интенсивно махал руками, однако невеста немного жениха

не замечала.

– Во! Гуть, гляди, я вот о таком колечке и мечтала! – радостно воскликнула она, уперев палец в изделие с бриллиантом в два карата.

– Аллочка! Ну надо же быть скромнее, – прохрипела сестра, пиная ногой зарвавшуюся невесту. – У тебя уже есть одно кольцо, зачем такие траты? Лучше съездите с Геннадием в свадебное путешествие.

– Ага! На деревню, к матушке! С экскурсией в коровник! Знаю я вас, вам лишь бы вытолкать бедную родственницу, а он потом мне точно никогда бриллиантов не купит! – злобно сверкнула Аллочка глазами и ласково улыбнулась продавщице. – Девушка! Покажите, пожалуйста, вот это колечко... Да-да, вот это!

Геннадий тихо подошел сзади, глянул на красоту и в ужасе прикрыл рот ладошкой. Между тем Аллочка уже напялила на себя дорожное колечко, вертела рукой во все стороны и была непристойно счастлива.

– Ген! Ты только посмотри! Оно необыкновенно подходит к моим глазам! – визжала она, вдребезги разбивая священную тишину. – Давай доставай деньги и иди, плати в кассу, а то я его снять не могу.

Геннадий побледнел.

– Аллочка, птичка моя, но у меня нет таких денег, – тряс подбородком, проблеял он. – Ты уж постарайся,ними колечко.

– Здра-а-авствуйте! – обиженно протянула птичка. – Я, значит, постарайся! Нет уж, мил дружок! Это ты постарайся!

Наконец до Аллочки дошло, что у жениха попросту таких денег нет, и она запыхтела паровозом:

– Ладно... Я это запомню... Ну чего вы стоите?! Геннадий! Доставай все деньги, какие есть, а ты, Гуть, добавляй! У тебя всегда в кошельке тысячи водятся, я видела. Ну что теперь поделать, если я снять это кольцо не могу!

Что-то и в самом деле надо было делать, потому что девушка-продавец уже нетерпеливо требовала оплатить покупку или отдать кольцо, а охранники в черных униформах подозрительно косились на странную тройцу.

– Вот зараза, а? – всплеснула руками Гутя. – Ну какого черта ты напаялила это кольцо?! Деньги она у меня увидела! Между прочим, это деньги тебе же на ресторан! И у меня все равно не хватит!

– Геннадий! – перекинулась Аллочка на жениха. – Вытряхивай все, что у тебя есть! Быстро! Не хватало мне еще тут позора натерпеться!

Геннадий уже не спорил. Он как-то слишком покорно мотнул головой, потрусил к кассе, и тут произошло неожиданное. Не доходя до кассы, Геннадий Архипович резво скакнул в двери, выскочил на улицу и ретиво кинулся наутек. Аллочка сообразила мгновенно.

– Держи его!! – завопила она и, раскидывая на своем пути охранников, бросилась вдогонку за женихом, унося на пальце кольцо с бумажной биркой.

Гутя вынеслась вслед за сестрой.

– Аллочка!!! – орала она на всю улицу. – Аллочка! Немедленно вернись!! Нам надо расплатиться! Это подсудное дело!! Алиссия, черт возьми!! Давай расплатимся! Сколько оно стоит-то?!!

Однако Аллочке теперь было наплевать на бриллианты – от нее уже второй раз за месяц сбегал один и тот же жених, а счастье было так близко. И его еще можно догнать, если прибавить скорости.

Мимо Гути пронеслись двое бравых охранников. Они бежали, как леопарды – какими-то скачками, вытянув головы и вглядываясь в «дичь». Их спортивная подготовка была несколько лучше, чем у Аллочки, но у той была выше цель, поэтому неслись они примерно с равной скоростью. Хотя, кто ее измерял, эту скорость, главное, что до Геннадия Архиповича они добежали одновременно. Неудачливый жених не вынес бешеной гонки, рухнул прямо на тротуар и, распластавшись, ждал возмездия. Оно не замедлило явиться.

– Сбегать?!! – рывкнула Аллочка, подлетая к возлюбленному с кулаками.

– Стоять!! – ревели охранники, опережая невесту на долю секунды. – Всем руки за голову!! Не двигаться!!

– Это ограбление? – вежливо поинтересовалась какая-то прохожая бабушка с авоськой.

– Не ваше дело! – непочтительно отнеслись охранники к старости. – Вы! Поднимайтесь немедленно! Сейчас вызовем милицию и составим протокол по всем правилам! Гражданин!! Поднимайтесь немедленно!

– Да-да! Поднимите его, поднимите! – подливала масла в огонь Аллочка. – Он не хочет платить за ваш товар. Заставьте платить, я все равно уже кольцо снять не могу.

– Граж... – сурово тряхнул охранник Геннадия Архиповича за плечо и отшатнулся.

На него глянули безжизненные глаза беглеца, на груди светлой куртки расплывалось багровое пятно, а под животом несчастного валялся черный маленький пистолет.

– ...Твою мать... – не удержавшись, выругался охранник и вздрогнул – улица потонула в страшном крике Аллочки.

– У-би-и-и-или-и-и-и!!! Из-за паршивого золота у-би-и-и-или-и-и-и-и!!! Я вам теперь вообще это кольцо никогда не отда-а-а-а-ам!!!

В семью Неверовых пришли тяжелые дни. Аллочку с Гутей первое время постоянно вызывали к следователям, они в полуобморочном состоянии давали какие-то показания, но поскольку их рассказ слово в слово совпадал с историей охранников, да к тому же та вежливая бабушка любезно согласилась стать свидетельницей, сестры переместились из разряда подозреваемых в разряд потерпевших, и их на некоторое время оставили в покое. Если говорить по совести, то особенно никто женщин и не подозревал, потому что, как сказали

сами работники следственных органов, «это чистый заказняк».

Дома творилось и вовсе невообразимое. Аллочка лежала в спальне, и оттуда доносились только трубные стенания, прерываемые завтраком, обедом и ужином, которые требовалось приносить в кровать. Несостоявшаяся вдова выходила из комнаты редко, только чтобы поразмять затекшую спину да посмотреть кое-какие вечерние программы. Но от этого легче не становилось – все родственники, которым так и не удалось повеселиться на свадьбе, потоком хлынули к Неверовым, дабы проститься с женихом. Прощаться, собственно, было не с кем, тело Геннадия Архиповича увезла приехавшая из глубинки старшая сестра, но это никого не смущало.

– Гутя, ты не переживай, – клал тяжелую, как утюг, руку на плечо дочери отец и утирал скупые родственные слезы. – Не печалься, мы тебя одну не оставим, правда, мужики?

Мужики – все те же Петрович с Терехой – горестно кивали и швыркали носами.

– Беду надо вместе встречать, – поучал отец. – Так что ты, доча, это... накрой быстренько на стол, да налей нам помянуть, чай, почти родственник был Николай-то...

– Геннадий, – бросала измотанная Гутя.

– Ну да какая ему теперь разница, – отмахивался батюшка, не забывая прилежно печалиться.

Заявились и сестрицы.

– Гуть, ты только подумай, горе-то какое! – качала головой Марта, пристально следя глазами за своим супругом. Родственники родственниками, а он, как-никак, когда-то Гуте мужем приходился. – Вот ведь как Аллочке с замужеством не везет, а? Как не везет, ай-ай-ай... Василий! Куда это ты к Варьке в комнату намылился? А ну сядь возле меня смирно!

Вася, шустрый мужичонка с морковными кудрями, приходился Варьке родным отцом, поэтому некоторую его тягу к симпатичной дочери можно было

объяснить родственными чувствами. Руководствуясь этим, Василий злобно запыхтел, собрал губы куриной гузкой и накинулся на супругу:

– Ты с ума-то не сходи! Я грю – не сходи с ума совсем-то! Могу я дочь утешить в такую трудную минуту, как ты полагаешь? Я ж для чего ей отцом прихожусь?! Ишь! Орет она на меня!.. Варя, доченька, а вот сейчас мобильники у всех поголовно, у вас нет какого ненужного? Я б тебе каждый день звонил, о здоровье справлялся, а?

Выронив из внимания непокорного супруга, Марта снова принялась усердно жалеть младшенькую сестрицу, начисто забыв, что Гуте как-то тоже не слишком везет с мужьями. Причем сама Марта – прямая тому причина.

– Ой, ну как же судьбу Аллочке устроить? – хваталась она за свои толстые щеки. – Я думаю, надо к бабушке сходить, пусть она от нее порчу отведет. Но предоплату надо вперед внести.

– Бедная сестричка-а! – старательно выводила Майя. – Вот ведь что делается-я! И ведь, главное, я только-только отца к себе уговорила переехать, а тут такое! Он теперь только у тебя гостить собирается, вот так прямо мне и сказал! Представляешь, говорит: «Ты меня, Майка, даже и не заманивай! Я как приехал к Гуте, так у нее и буду все сорок дней жить!» Вот ведь как.

Гутя уже ничего не понимала. Она, будто автомат, что-то отвечала, кивала, соглашалась и ждала лишь одного – когда же наконец можно будет остаться своей семьей, чтобы успокоиться, отдохнуть от всех этих свадеб-поминок, а потом подумать – с чего это вдруг на их семью навалились всякие напасти.

Неизвестно, сколько бы продолжался весь этот кошмар, если бы не выручил Фома. Потеряв всякое терпение, он однажды вечером, придя с работы, брякнул на стол прозрачную тонкую папку с какими-то документами.

– Гутя!! – немедленно отреагировал отец. – Иди корми зятя, да и нам налей, пора уже Николая поминать!

– Господи, да какого Николая ты все время хоронишь? – по привычке буркнула Гутя, направляясь в кухню.

– Гутенька, ты сразу большую кастрюлю ставь, а то сейчас и мой с работы подтянется, – тут же поддержала батюшку Марта. Она теперь неотрывно находилась здесь, якобы помогая «скрасить» беду. – Да и Майкины ребятишки прибегут со школы, их тоже накормить надо. Поужинаем, а потом я тебе там фарш разморозила, нужно будет вам с Варькой котлет наделать. Кто его знает, вдруг с работы кто нагрянет...

Гутя даже не сопротивлялась. И Варька покорно кивала, она была приучена с тетками не спорить. Зато Фому никто не приучал. Он вышел на середину комнаты, собрал брови к переносице и скорбно заявил.

– Грустно вам говорить, но... Никаких котлет не надо. Сегодня же Аллочка отбывает в санаторий, поправлять свое драгоценное здоровье. И мы все уезжаем вместе с ней, чтобы одну не оставлять. Вот документы...

К такому бесстыдству родственники были не готовы. Отец стал беспомощно крутить головой и спрашивать у своих товарищей:

– Нет, стоп. Это чего ж, мы больше Николая поминать не будем, что ли? Это, что ли, нам опять в деревню? Нет, ну как же... а сорок дней? А полгода? Нет, полгода я, конечно, того, малость загнул, но сорок-то дней!

– Гутя! А ты-то чего поедешь?! – таращилась Марта. – Нет, я не понимаю! Ну, Аллочка – понятно, а у тебя-то какое горе?! Ты-то чего собралась?

Гутя только молча пожимала плечами, в душе визжа от радости. Варька тоже старательно хмурилась, но сама то и дело бросала на мужа пылкие, благодарные взоры.

– Ничего не поделаешь, – еще раз вздохнул Фома. – Сейчас за стол и – все по домам, нам нужно собираться.

И тут Гутю чуть не хватил insult от злости. Отворилась дверь спальни, выплыла заспанная Аллочка и категорично заявила:

– А я никуда не поеду, здесь буду скорбеть по Николаю... Тьфу ты, папа!!! Запудрил башку каким-то Николаем!.. Говорю, здесь буду Геннадия оплакивать.

И вот так! И такое мое слово!

– Что-о?! – вытаращилась на нее Гутя. – Какое слово? Никуда не поедешь? Да ты, милая моя, сейчас не в санаторий, а к маменьке поедешь жениха оплакивать, понятно?!

И вдруг Гутя поняла, что сказала дельную мысль. Она встрепенулась и уже уверенней произнесла:

– Точно! Как же я раньше не додумалась? Ты сегодня же отправляешься к маме в деревню, там тебе скорбеть гораздо удобнее будет.

– Да-да-да! – быстренько подключилась Варька. – Я вам говорю как психолог – никто не умеет утешать так, как родная мама. Человек сразу же вспоминает, как ему замечательно было под родительским крылом, на материнской груди на него находит умиротворение и покой! Так что к бабушке – сейчас для Аллочки лучшее лекарство!

Аллочка к маме в деревню не хотела, скорбеть ей было куда приятнее здесь.

– Чего это я в деревне не видела? И вообще, кто вам сказал, что мне там было жутко замечательно? Меня там все время в угол ставили, а папенька еще и ремнем порол!

– И за дело! – огрызнулась Гутя и добавила: – Пап, а ты если еще немножко у нас погостишь, мама обязательно в дом пастуха деревенского приведет. Я заметила: она давно на него поглядывает.

Отец стал судорожно глотать, но ответить ничего так и не сумел. Просто интересно – откуда Гутя про их пастуха знает? Его сотоварищи сначала было хотели развить эту тему, но потом как-то сдуру примерили ситуацию на себя и уже не могли себе найти места.

– Слышь, Никанорыч, – первым собрался Тереха. – Ты, конечно, можешь тут оставаться и на полгода, раз такое дело, а я уж поеду. Прямо сегодня и отчалию. Черт его знает, вдруг и в самделе – приеду, а Петька, наш пастух, уже мою Нинку пасет!

– Да ну-у... – с сомнением протянул Влас Никанорыч. – Разве ж одного Петьки на всех хватит? А может, и хватит. Петька, он же такой жук, он же как боров отъезтый! Работа у него всегда на свежем воздухе, здоровый бугай... Ну чего расселись-то?! Собирайтесь быстро!! С вами тут, будь ты трижды султан, всех жен растеряешь!

Неверовы и сами не ожидали, но уже глубоким вечером они остались в привычном составе – Гутя, Варька, Фома и Аллочка: ее так и не удалось отправить в деревню утешаться, а санаторий Фома просто выдумал.

– Ну вот, теперь самое время поразмыслить, что ж у нас такое творится... – задумчиво проговорила Гутя, когда они все уселись почаяевничать перед сном. – То дети какие-то у Аллочки обнаруживаются и чуть не срывают свадьбу, то и вовсе – кто-то взял и жениха нашего пристрелил... Аллочка, ты никого не подозреваешь? Что-то мне кажется, это тебе кто-то насолить хочет...

Аллочка мотнула головой – никого.

– А может быть, ты деньги у кого-нибудь занимала, да забыла отдать? – любезно подсказывал Фома.

Аллочка снова мотнула головой – нет.

– А ты точно ни с кем не ссорилась? – на всякий случай переспросила Варька. – А может, кому-нибудь наврала с три короба, ну типа того, что папа у тебя генерал или космонавт или вообще – владелец центрального рынка? Да что ты все головой-то мотаешь? Сказать не можешь?

– Не могу! – наконец проговорила Аллочка. – Потому что булочку доедаю! У меня ж стресс! Сами, главное, пугают, а сами еще говорить требуют!.. Никому я ничего не врала, зачем мне? Это я Геннадию привирала, чтобы он меня скорее замуж позвал. И то потом все выяснилось... Он меня любил! И ему все равно было, кто мой отец! А остальным я и не врала, они все равно не верят, только потом дразнятся...

Да уж, ситуация была непонятная. Аллочка была права – для того чтобы убить человека, простого вранья было маловато, что бы там такого не выдумала великовозрастная фантазерка. Во всяком случае, это бы непременно проверили,

а никакой, даже мало-мальской проверки Аллочкины басни не выдерживали. Вот это и странно. Непонятно, отчего это Геннадий Архипович, который сначала заглядывался только на состоятельных дам, вдруг переключился на Аллочку. У той-то за душой и гроша не было – все на Гутином горбу. И ведь даже когда узнал, что никакого папеньки-генерала у невесты не водится, не сбежал, а продолжал степенно ходить в женихах. Неужели в самом деле настолько влюбился, что терпеливо сносил все ее выходки?

– Ладно, – встряхнула Гутя головой. – Утро вечера мудренее... Матве-е-ей! Бедняжка! Ты где прятался все это время? Ой, надо же, как исхудал! Варя! Немедленно отрежь коту кусок мяса, видишь, как его наши гости замучили!

Неизвестно, где хоронился все это время несчастный любимец, но вид у него и в самом деле был жалкий – тусклая шерсть, впалые бока и затравленный взгляд. Коту немедленно требовались питание, тишина и неназойливое внимание. За заботами о пушистом друге Неверовы как-то немного пришли в себя, и в голове мысли стали укладываться по полочкам.

– Завтра у нас заседание клуба, – вспомнила Гутя, наглаживая Матвея. – Сделаю вечер памяти нашего ушедшего друга, может быть, кто-то что-нибудь интересное выскажет...

– И я на своем психологическом сеансе аккуратно порасспрошу каждого индивидуально, – добавила Варька, тычась носом в усатую мордочку кота.

– А я завтра прооперирую Серафиму Игнатьевну, – доложил Фома, решительно хлопнув по столу ладошкой.

– А кто это – Серафима Игнатьевна? Она что – тоже тут замешана? – насторожились женщины.

– Нет, – качнул ногой Фома. – Но у меня ее операция по плану.

Когда Фома говорил о своей работе, никто из домочадцев его частенько не понимал, да, честно говоря, не слишком и стремились. Как бы то ни было, по своим спальням Неверовы уже разошлись в полной боевой готовности. У них сильная семья, и они не позволят бедам вот так вот безнаказанно врываться в дом! Они найдут виновного, и страшно подумать, что они с ним сделают за

порушенное Аллочкино счастье.

В клубе заседание началось с минуты молчания. В этот день, как никогда, собралось столько народу, что в маленькой комнатке мгновенно стало душно.

– Я не буду вас долго задерживать, – горестно проговорила Гутя, внимательно вглядываясь в знакомые лица. – Я только хочу, чтобы каждый из вас что-нибудь вспомнил о нашем славном товарище. Мне будет интересна каждая мелочь, любой, незначительный пустяк. Ну же, кто начнет?

Сначала люди молчали, видимо, подбирали правильные, теплые слова, а потом все заговорили, перебивая друг друга.

– Я вот так вам обскажу! – вскочила новенькая пухленькая женщина, которая приехала недавно из маленького городка и сразу, прямо с вещами заявила к Гуте с требованием найти ей жениха, потому что она его по старой традиции в дом хочет запустить первым, как кота. – Я вот так вам обскажу! Я вот лично с этим Геннадием Архиповичем не успела близко познакомиться, но сразу же заметила – хороший мужик! Просто... просто Ричард Гир! Потому что матом не ругается, вот!

– Абсолютно с вами согласный по всем статьям! По всем статьям! – вскочил дряблый старичок Антон Андреевич, который никак не мог выбрать себе молоденькую супругу. – Вот сядет, бывало, со мной рядышком и ну про новые находки мамонтов рассказывать, и ну рассказывать! И ведь удивительная вещь! Это он мне рассказал, что самый древний археоптерикс был найден...

– Не могу ничего сказать по поводу археоптерикса, но в колготках он оч-чень неплохо разбирался, – лукаво хихикнула молоденькая любительница кобелей Валерия. – На Новый год он мне такие классные подарил, с тюльпанчиками! Просто супер! А потом еще...

– Уж не знаю, как там с колготками, но вот когда мой Мишенька на Любочке женился, Геннадий Архипович как раз со мной... дружил, – перебила девицу Дарья Викторовна. – И он прямо за столом такие теплые слова говорил Мишеньке, такие теплые... И все про меня, про мать то есть. Очень сердечный человек был, очень сердечный.

– Ой, ну при чем тут какая-то сердечность? – презрительно протянула Виктория Даниловна. – Этот мужчина обладал совершенно эксклюзивным даром – он умел любить! Меня! Просто страшно вспомнить все его страдания, серенады, его стихи, которые он мне писал...

Дарья Викторовна нахмурилась:

– Позвольте, милочка, все, что о вас можно написать, уже написали на всех заборах! – и она презрительно отвернулась.

Но Викторию Даниловну не так-то просто было заткнуть. Она закинула ногу на ногу и с вызовом продолжала:

– Геннадий писал мне просто баллады! Боюсь, не смогу вспомнить... Сейчас, минуточку... «ты такая запретная, адская, словно порнокассета пиратская...». Это он, к вашему сведению, лично сочинил и мне посвятил.

Женщины вскипели.

– Ну конечно! Еще бы покороче юбки надевала! И вообще, там не «адская» было написано, а вовсе даже неприличное слово, только он не матерился! – Вскинулась Лариса: она не терпела, когда писали стихи посторонним женщинам ее бывшие женихи. – А однажды, когда он к вам на свидание не пришел, вы лично мне говорили, что при первой же возможности его собственными руками растерзаете!

– Ага! И мне говорила, что готова задушить, а теперь, оказывается, он ее любил!! Ха! Стихи он ей писал! – поддержала подругу Татьяна, она вчера испробовала то ли новый крем, то ли новую наливку, но лицо у нее было совершенно лиловое, что ее невероятно раздражало. – Он был человек интеллигентный, такую чушь не состряпал бы! Сама небось себе и написала!

Гутя вслушивалась в крики, но ничего нужного выцепить не могла. Стоит ли удивляться! Она забыла одну важную деталь – сейчас про Геннадия никто полной правды не скажет, по традиции нужно говорить либо только хорошее, либо уж молчать.

– Спасибо, вот мы и вспомнили... – хотела было она прекратить поток хвалебных гимнов, однако ее слушать вовсе не собирались.

Да и про самого несчастного Геннадия Архиповича временно забыли, потому что яростно принялись высказывать Виктории Даниловне все, что накопилось.

– А вот когда к нам двое мужчин пришло, помните? – кричала самая старшая из завсегдатаев клуба Анна Никитична. – Вот тогда ни один из двух на Викторию глаз-то не поклал! Дак она сама им звонила, я знаю, лично под ее дверью подслушивала, потому как мы проживаем в одном подъезде!

– Ой, да чего там – мужчины! Эта Виктория даже на моего Мишеньку поглядывала! – фыркнула Дарья Викторовна. – Хорошо, что я вовремя успела его с Любашей познакомить! А про Геннадия она специально теперь говорит со слезой в голосе, потому что она его в последнее время терпеть ненавидела! И еще к моему Мишеньке подбиралась!

Виктория Даниловна только громко хохотала, чем еще больше злила почтенное собрание.

– Дурдом «Ромашка», – устало проговорила Гутя и плюхнулась на стул, закрыв уши ладошками.

Варьке сегодня тоже не везло. К ней в кабинет пришли сегодня только две женщины, и одна из них совершенно посторонняя – чья-то подруга. Естественно, подруга не знала никакого Геннадия Архиповича и сказать о нем ничего не могла, вторая же женщина – Наталья Петровна – пришла исключительно с целью вызнать, что ей делать с собственным сыном. Парень никак не хотел учиться, а всерьез собирался заводить собственную семью. И это бы еще ничего, да только парню было всего четырнадцать лет. Понятное дело, что едва Варька сводила разговор к Геннадию Архиповичу, как Наталья Петровна тут же замолкала и с любопытством заглядывала Варьке в рот. Сама она ничего про несчастного не знала, а узнать пикантные подробности хотелось. Вот она и ждала, что Варька жаждет поделиться с ней новостями.

Вечером мать и дочь ничего нового сообщить друг другу не могли.

– Ничего, – утешила Варька. – Придется походить по домам и лично переговорить с каждым. Поодиночке люди куда откровеннее.

– И главное – никто друг друга оскорблять не будет, – тут же согласилась Гутя. – Ума не приложу, с какой цепи они сегодня сорвались, такие приличные люди...

На том и порешили.

«Все! Все вышло так, как и должно было! Справедливость восторжествовала – еще один мерзкий тип перестал поганить землю! И так будет со всеми! Просто удивительно, до чего слепы бывают женщины... Но ведь и слепым нужно как-то жить. А главное – им нужна особенная забота. Значит, еще не время складывать лапки...»

...Походы на дом Гутя запланировала с самого утра. Она уже нарядилась, оделась скромно, но достойно, как и полагается серьезной женщине, и уже собиралась выскользнуть за дверь, но не обнаружила в кармане ключей.

– Аллочка! Алиссия! Не прикидывайся, будто спишь. Скажи, это не ты у меня ключи из кармана вытащила? – прошла она в спальню сестры.

– Я, – сонно протрубила та. – Чтобы ты без меня никуда удрать не надумала. Ох, ну за всеми нужен глаз да глаз.

У Гути от удивления вытянулось накрашенное лицо.

– Ты что такое говоришь? Что значит – удрать? Да я... я бегу по всем нашим дамам, чтобы тайно выведать не было ли у кого причин... обижаться на твоего жениха! И тебе со мной совсем никуда идти не нужно, люди просто не раскроются, если ты будешь сидеть рядом!

Аллочка уже поднялась с кровати, натягивала халат и яростно делилась своим мнением:

– Ну коне-ечно, ка-ак же! Выведать она хочет! Да я тебя, Гутенька, как на флюорографии вижу – вот тут ручки, тут ножки, а тут вот твоя коварная мысль, дескать, убегу, и пусть Аллочка сегодня мучается, готовит обед на всю ораву! Не выйдет! Я иду вместе с тобой! Или, если хочешь, я могу и одна сбегать, побеседовать с кем надо.

– Могу себе представить... – тяжело вздохнула Гутя и рывкнула: – Ну скоро ты?! Уже замучилась тебя ждать!

Они решили, что первого навестят Антона Андреевича. Старичок, хоть и был намного старше несчастного Геннадия Архиповича, страдал излишней любовью к молоденьким девицам, а потому весьма крепко цеплялся и к моложавым мужчинам, ему казалось, что так он и сам выглядит на десяток годков моложе. Как знать, может, Геннадий Архипович и ляпнул старичку что-то важное? Да и с кем еще может поделиться мужчина секретами, если не с таким же героем-любовником, пусть даже слишком дряхлым? К тому же Антон Андреевич жил ближе всех к дому Неверовых.

– Значит так, придем, и ты сразу же достанешь тетрадку, будто хочешь написать мемуары о вашей с Геннадием светлой и чистой любви, понятно? – учила Аллочку Гутя.

– Ф-фу, как это пошло, глупо – мемуары! Только ты, Гутенька, такую чушь могла придумать. Можно подумать, в моей жизни больше никогда таких вот Геннадиев не будет! – скривилась Аллочка. – И чего мне потом, про каждого отчет в прессу писать? Эдак никакой бумаги не хватит...

Гутя даже остановилась от возмущения.

– Ты что такое говоришь – я, Гутенька, ей чушь придумала! Да кто тебе без мемуаров душу выворачивать станет? А нам как раз и нужно, чтобы все вывернуто было... ну, чтобы люди нам всю душу выпотрошили!

Теперь уже оторопела Аллочка.

– Ну уж дудки! Если из нас душу потрошить станут, тогда иди одна, я никуда не пойду! И вообще, чего мы с тобой приключения ищем? К каким-то потрошителям ее тянет! Пошли лучше в кафе-мороженое. Я, между прочим, не забыла – ты мне

так свадебный подарок и не преподнесла!

Гутя только протяжно простонала, ухватила сестрицу за рукав и потянула к Антону Андреевичу.

Старичок гостей не ждал, видимо, поэтому, открыв двери, как-то засмутился, покраснел и стал насккивать на непрошенных гостей хилой, куриной грудью, не пуская в дом.

– И как это вы меня неожиданно решили навестить! – фальшиво скалился он во все железные зубы. – И кому только из вас такая замечательная мысль в голову стукнула? А я вот... ванну собрался принимать! Вот так взял, да и решил – чего вечера ждать, дай-ка я сейчас омовение приму! Так что...

В этот момент в глубине квартиры раздался капризный писк и поведение старичка стало понятным.

– Антосик! – мяукал кто-то из гостиной. – Ну скоро ты? Я уже две твои пешки съела!

Гутя понимающе хмыкнула и даже повернулась, чтобы покинуть старого ловеласа, а вот Аллочка совсем не собиралась его покидать. Еще чего! Они что – зря сюда тащились, ноги терли?!

– Это кого вы там пешками кормите? – набычилась она и решительно вошла в квартиру, отодвинув хозяина могучей рукой.

В прихожую, устав ждать, выпорхнуло воздушное создание, годков двадцати от роду.

– Вот... – смущенно хихикнул «Антосик». – Немножко подрабатываю, знаете ли. Учю младое поколение игре в шахматы, знаете ли...

Аллочка так на него уставилась, что тот готов был провалиться сквозь землю.

– А мы к вам по делу, – пояснила Гутя, желая разрядить обстановку. – У нас тут, понимаете...

– ...Донос на вас поступил, – сурово прервала сестру Аллочка. – Что несовершеннолетних совращаете. Так что извольте распроститься с этой девицей и отвечать на наши вопросы!

Старичок посерел щечками, ухватился за дверной косяк и стал настойчиво совать пальто молодой даме, которая торчала тут же. Дама возмущалась, пальто брать не хотела и кидала на гостей вовсе даже не приветливые взгляды.

– Не, я не понима-аю! У меня ваще-то за два часа упло-чено! Что за дела-а?! Антосик, ты меня ваще ничему не научи-ил!

– Дитя мое, сегодня не получилось, но вот завтра... Петунья моя, завтра я проведу два урока совершенно бесплатно, то есть абсолютно в ущерб себе, – лепетал старичок, продолжая тыкать в нос прелестнице старое, потрепанное пальто.

– Здра-ассьте! За-автра! Я завтра не могу, у меня искусствове-едение!.. Да чего ты мне чье-то тряпье суешь?! Ну ваще! – девица наконец напялила на длинные ноги замшевые сапожки и упорхнула из дома, громко хлопнув дверью.

Гутя и Аллочка молча смотрели на старичка.

– Ох уж эти дамочки... – хихикал старичок, боясь поднять глаза. – Мужья у них имущие, все имеют, а вот воспитания, образования не хватает. Вот и посылают своих молоденьких жен то в шахматы играть учиться, то английские языки изучать, то вот еще искусствоведением загружают. А девочкам хочется свободы, интересного общения!

– Вы бы поосторожнее с такими девочками, – глядя куда-то за окно, предупредила Аллочка. – А то вот после такого общения найдут где-нибудь ваше глубоко интеллектуальное тело в сточной канаве.

– Да что вы! – охнул старичок, вытянул шейку и совсем уже без кровинки в лице посеменил к диванчику: стоять ему отчего-то становилось все тяжелее.

Пока Гутя подбирала слова для беседы, Аллочка уже удобно расположилась в кресле и словесные вензеля придумывать не собиралась.

– Ну так расскажите нам, уважаемый Антон Андреевич, в каких отношениях вы состояли с моим женихом – Геннадием Архиповичем. Только правду говорите, я ложь за версту чую.

– О господи! – снова начало трясти Антона Андреевича. – Да в каких же отношениях? Да ни в каких! Только исключительно в приятельских. Я с ним даже никогда и нигде не встречался! Никогда! И нигде! Наше знакомство даже дружбой назвать было бы неверно – так только, встречались в клубе, сидели иногда рядом, все больше про политическую обстановку в стране судачили... про экономическую опять же. Ну, бывало, иной раз обсуждали женщин, много смеялись... Простите! Я хотел сказать, что смеялись не над женщинами, а над... над анекдотами! Да! Геннадий Архипович был мастак рассказывать анекдоты!

– Что-то я не замечала, – подобрала губы Аллочка.

– Я тоже, – подтвердил старичок, – но он все равно был мастак!

Гутя решила не травить понапрасну пожилого человека. Она сердечно положила свою руку на его ладонь и проникновенно заговорила:

– Антон Андреевич, вспомните, пожалуйста, а у Геннадия Архиповича не было каких-нибудь неприятностей? Может, он как-то говорил, что ему кто-нибудь угрожает? Или вы сами заметили, что он чего-то боялся, поведение у него странное было? Ну припомните...

Старичок собрал на лбу все морщины, соорудил очень важную гримасу и медленно качнул головой.

– Да! Поведение у него было весьма странным.

Сестры насторожились. Аллочка даже перестала «Орбит» жевать.

– Поведение его было более чем странным, – еще раз повторил Антон Андреевич и пояснил: – Вот вы сами подумайте – за ним такие женщины ухлестывали, одна Виктория Даниловна чего стоит! Ларочка тоже, Дарья Викторовна опять же. Не цветочки уже, надо отметить, совсем даже не бутоны, зато состоятельные, да! А он? Позарился на такую копну, господи прости...

Тут, вероятно, Антон Андреевич сообразил, что именно эта «копна» сейчас перед ним и восседает, изменился в лице и стал мелко стучать вставными челюстями.

– Подождите-ка, дайте запишу, – не сразу поняла Аллочка, о ком речь. – Это вы сейчас хотите сказать, что у Геннадия, кроме меня, еще кто-то был?

Старичок не знал куда деться.

– Нет, это он как раз этих дам и имел в виду, – как-то путано проговорила Гутя, выручив старика. – А Геннадий Архипович не говорил вам, отчего же он не позарился на состояние Виктории Даниловны, например?

Старичок только пожал плечами. Теперь он и вовсе старался рта не открывать. Не успеешь языком шевельнуть – обязательно какая-нибудь глупость выскочит.

– Ну хорошо, а в гости вы к нему не заходили? – наседала Гутя.

– Да как же я заходить буду, ежели он меня ни разу не приглашал? – не вытерпел хозяин. – Было один раз, шли мы вместе из клуба домой, нам же по пути, проходили мимо магазина, и так мне пивка захотелось! Я возьми да ляпни: «Пойдемте, мил человек, пригласимся к вам на кружечку пенистого пивка! Посидим часок, девочек позовем». Так он на меня таким волком взглянул, я даже поперхнулся. А вы говорите – заходил!

Аллочка, похоже, даже не слушала, что сообщает Антон Андреевич, она о чем-то сосредоточенно думала.

– Погодите, – вдруг созрела она. – Это как же вам по пути-то получалось? Геннадий Архипович жил на Джамбульской, а вы на Никитина обитаете. Чего вы путаете-то нас? Я же, кажется, честно предупреждала: вранье чую за версту!

– И ничего вы не чуете! И не чуете, потому что я правду говорю! – запальчиво выкрикнул Антон Андреевич, наконец-то почувствовав себя на коне. – И не вру я! Он жил на улице Никитина! Потому что мы всегда с ним домой из клуба вместе ходили!

Насторожилась уже и Гутя. Она совершенно отчетливо помнила, что Геннадий Архипович приглашал как-то Аллочку к себе. Мало того, она даже говорила, что он зовет ее к себе жить. Поэтому не доверять сестре причин не было. Но и старик на этот раз не врал, это было видно по его уверенному орлиному взору, возмущенному дыханию с присвистом и даже по ноздрям, которые трепетали от негодования.

– Та-а-ак... – в раздумье протянула она. – Но... но ведь вы только что сказали, что он вас ни разу к себе не приглашал, как же вы знаете, что он жил на Никитина? Может быть, он заходил к кому-нибудь?

– Ни к кому он не заходил! Не заходил, я совершенно точно знаю, – настаивал старичок и, видя, что ему не совсем доверяют, яростно принялся доказывать: – Я же вам говорил, что проводил курсы по вязанию морских узлов. И на эти курсы ходила ко мне очаровательная девушка Лялечка. На кой ляд ей те узлы сдались, я до сих пор ума не приложу, но ходила она исправно. И вот однажды, как раз наступил день оплаты, Лялечка не пришла. Позвонила и сообщила, что ее свалила ангина. На меня нахлынуло такое горе! И девушку жалко, и деньги получить страсть до чего хочется – я ж понимал, что до пенсии не доживу. Ну и решил я навестить девочку. Лялечка на Никитина, сто четырнадцать проживала, как раз через два дома от меня. Захожу в подъезд к Лялечке, а мне навстречу – здравствуйте, не горюйте! – наш Геннадий Архипович! Я с ним так вежливо поздоровался, он тоже шляпу приподнял в знак доброго приветствия и разошлись. И Лялечка подтвердила, что это ее сосед, так что совершенно точные сведения вам сообщаю.

– А вы не подскажите, в какой квартире проживала эта Лялечка? – спросила Гутя.

Старичок наморщил лоб и выдал:

– Никитина, сто четырнадцать, квартира двадцать четыре. Видите, мне даже в записную книжку смотреть не требуется!

И он гордо дернул морщинистой шейкой.

Гутя больше не стала мучить Антона Андреевича, вежливо попрощалась и, толкая впереди себя упирающуюся Аллочку, покинула квартиру.

– Чего ты меня пинаешь-то? – кипятилась Аллочка. – Я еще у него не спросила: когда он видел Геннадия Архиповича в последний раз?!

– Успокойся, это совершенно ненужный вопрос, – остудила ее Гутя. – Не забывай, что последней его видела ты.

Аллочка крикнула и успокоилась. Но ненадолго.

– И чего? Куда мы сейчас? – допытывалась она у сестры. – Ты не забыла, что мы хотели зайти к Виктории. К ней на троллейбусе ехать. Нет, Гуть, представь, как она меня встретит, да? Она, значит, возле Геннадия крутилась, крутилась, а он – хлопс! И на мне женился!

– Какое там «хлопс»! Она вот теперь спокойно отдыхает, а мы его убийцу ищем, – буркнула Гутя, но тут же объяснила: – Мы на Никитина сейчас. Надо все-таки узнать, почему это наш уважаемый жених жил в нескольких квартирах? На богача он вроде бы не похож, а откуда у него тогда столько квартир?

– Так, может, воровал... – простенько рассудила Аллочка.

– Может, – согласилась сестра. – Вот мне и хочется у этой Лялочки все расспросить, может, она что-нибудь интересное выдаст...

На улице Никитина, сто четырнадцать их ожидала неудача. В квартире двадцать четыре проживала вовсе даже не Лялечка, а неопрятного вида бабища, которая встретила их довольно неприветливо:

– И чего с самого утра ходют, вынюхивают? Кого надо? Чего долбитесь?

– Простите, если потревожили, но нам бы хотелось поговорить с Лялей, – максимально ласково сказала Гутя.

– А я чего? – не купилась на ласку крикливая хозяйка. – Уехали оне! Все же богатые стали! Чего им тут у нас! Они ж себе яхту купили! А куда ж ту яхту здесь-то запускать? Только что в ванне! Вот и мотанули из родных краев! То ль в Калифорнию, то ль на Байкал. Да не знаю я ничего! Ходют тут, вынюхивают с самого утра!

И тетушка захлопнула двери перед самым носом непрошенных гостей.

На часах было далеко не утро, но спорить было уже не с кем.

– М-да... неудача... – пробормотала Гутя.

– А это потому, что сейчас прямо передо мной пробежала черная кошка, – поведала Аллочка. – А я давно знаю, мне мама всегда говорила – если попалась на дороге черная кошка, надо сразу же пойти и чего-нибудь перекусить, тогда день нормально сложится. А вот если не поешь, так и знай – сплошные неприятности!

И Аллочка для пущей убедительности даже повернула к небольшому кафе, расположенному как раз возле остановки.

– Когда это тебе мама говорила, чего ты врешь? – не поверила Гутя. – И вообще, тебе кто ни попадись – обязательно перекусить надо. Вот мы сегодня целое утро пробегали, а ничего нужного так и не узнали!

Она в расстройстве уселась на скамейку возле подъезда и категорически отказывалась двигаться. Настроение было препаршивым, а сестрицу только еда и интересует! Прямо обидно, сил никаких нет.

Аллочка же медленно продвигалась к кафе. Она все еще наивно думала, что Гутя ее догонит, и они вместе славно пообедают вот в этой самой забегаловке. В то, что в таких сомнительных заведениях запросто можно отравиться, Аллочка никогда не верила, да ей это и не грозило – ее желудок перемалывал все, точно комбайн.

В это время к расстроенной Гуте под села старушка с визгливой маленькой собачкой.

– Мячик! Ну чего ты зря людей облаиваешь? – пыталась заглушить бабушка собачье твяканье. – Женщина может обидеться, подумает, что ты у меня совершенно невоспитанный пес, а это неверно. Не надо гавкать, Мячик.

Собачка на мячик совсем не походила – худенькая, с торчащими ребрами.

– Это он вас от меня защищает, – улыбнулась Гутя.

Ей немедленно захотелось накормить песика, и добавить его хозяйке пенсию.

– Вот вы сразу верно поняли! – засветилась старушка. – Охраняет! Будто на меня кто-то может покуситься!

И она тихонько засмеялась, поглаживая собачонку.

– Вы знаете... вы посторожите, пожалуйста, мою сумочку, – вдруг быстро проговорила Гутя. – Я недолго, мне очень надо, а вы посторожите, пожалуйста!

Старушка удивленно вздернула белесые брови, но сумочку взяла. А Гутя, выхватив из сумки кошелек, понеслась к этому самому кафе. Аллочка, которая томила в очереди, завидев сестру, расплылась в довольной улыбке.

– Гуть, я нам уже выбрала – вон те фаршированные блинчики, шесть штук, потом еще гуляш... двойной. И обязательно курочку, точно? А салаты не будем брать, того и гляди что-нибудь несвежее всунут.

Гутя бессовестно влезла впереди сестры и принялась диктовать кассиру вовсе не то, что хотелось Аллочке. Она взяла три банки тушенки, сгущенку, парочку хороших рыбных консервов, здоровенных красных яблок и даже два килограмма ливерной колбасы, которая почему-то здесь продавалась по цене сервелата.

– Гуть, ты чего? – тарасилась на нее Аллочка. – Ты будешь нас кормить ливером? Совсем, что ли?

– Не знаю, – пожала плечами Гутя, сунула сестре деньги и добавила: – Вот тебе сто рублей и ни в чем себе не отказывай.

Через пять минут она уже сидела рядом со старушкой и мучилась стыдом, не зная, как предложить ей помощь. А в том, что пожилая женщина в этом нуждалась, Гутя не сомневалась ни минуты.

– А можно я вашего Мячика угощу? – наконец решилась она.

У старушки глубоко в глазах зажглись искорки.

– Так отчего же нельзя? Конечно можно! Вы его не бойтесь, он не укусит, а твякает от страха. Маленький он, боится, что меня или его обидят...

Гутя достала из пакета кусок ливерной колбасы и протянула псу.

Тот мгновенно отвернул морду, но глаз от вожаденного лакомства отвести не мог – так и косился.

– Батюшки! А какой благородный-то! – не удержалась от смеха Гутя. – Вот у меня дома кот, Матвеем зовут, так он такой же точно – из чужих рук колбасу взять ему совестно, а ужасно хочется. Вы сами его покормите.

Старушка взяла кусок колбасы и протянула на ладошке. Песик мигом проглотил ливер и теперь уже выжидающе уставился на Гутю, дескать, доставай все два килограмма, я же носом чую, что у тебя этого добра...

– Вы так на мою бабушку похожи... – бесстыже врала Гутя, боясь взглянуть старушке в глаза. – Возьмите этот пакет, пожалуйста, как будто я своей бабушке гостинцы передала...

Старушка с достоинством помолчала, потом все же пакет взяла.

– Там и для Мячика гостинцы, – пояснила Гутя.

– А он тоже на вашу бабушку похож? – лукаво прищурилась старушка. – Спасибо вам. Мы вообще-то, с Мячиком не нуждаемся, но... иногда не умеем правильно деньги распределять. Сразу все истратим, а потом... А вы почему здесь сидите? Приехали к кому-то? Если дома никого нет, мы вас с Мячиком можем к себе пригласить, дождетесь.

Гутя замялась.

– Понимаете... мне тут один человек... Вы не знаете, здесь проживал Зеваев Геннадий Архипович?

– Зеваев? В нашем подъезде? Вроде не проживал такой... – задумалась старушка. – Я ведь в этом доме уже тридцать семь лет живу. И жильцы у нас тут не один год живут, все друг друга знаем, среди них нет Зеваевых. И Геннадиев не было, это точно. Правда, у нас тут в тридцать шестой Альбина Олеговна жила с мужем, потом они переехали в деревню, а комнату молдаванам сдают. Он не молдаванин?

– Н-нет, русский.

Песик твякнул и сунулся мордочкой в пакет.

– Да, вот еще Мячик подсказывает, в двадцать четвертой у нас молодые жили – Ольга Анциферова с мужем.

– Это Лялечка? – догадалась Гутя.

– Ну, можно и так. Спортсмен он у нее, к матери они переехали, в Петербург. Но мужа у Ольги Сашей звали. А вот в двадцать восьмой... точно-точно, рядом в двадцать восьмой семья проживала. Странная какая-то семья и квартира у них странная...

Гутя боялась спугнуть старушку и сидела, точно в рот воды набрала.

– Приехали они месяца три назад, муж – высокий, интеллигентный, в очках темных, при шляпе, жена – такая худенькая, замотанная, вечно с авоськами бегала и девочка лет девяти. Не успели со всеми перезнакомиться, как снова взяли, собрались и уехали. И самое интересное – в их квартиру больше никто не заселяется. То ли навсегда уехали, то ли на время. Только их уже больше месяца нет. А сейчас ведь знаете, какое время – люди каждую копейку берегут. Разве ж можно, чтобы такие площади да просто так стояли? А они и не сдают никому, и не продают, потому что покупатели не ходят, не смотрят, и сами не проживают.

– Ну, может быть, у них долгая командировка... – предположила Гутя.

– Может быть, – согласилась старушка. – Только недели две назад Лида Старостина, она как раз под ними проживает, вызвала сантехников – потолок у

нее протекать стал. Надо наверх подняться, а в двадцать восьмой нет никого. Ну, слесарям не больно надо в положение Старостиной входить, они воду перекрыли и ушли со спокойной совестью, а мы-то без воды остались. Так почти неделю сидели. Потом снова этих слесарей позвали, всю подъездную общественность привлекли и двери вскрыли. Конечно, противозаконно поступили, но ведь и нас понять можно. И что самое удивительное – зашли, а в квартире одни обои. Ни мебели, ни штор, ничего! А вы говорите – командировка.

Гутя нетерпеливо заерзала на скамейке.

– И что же, вы не помните, как звали того интеллигентного мужчину в очках?

– Не помню. Она вроде Ульяна, а он... Она-то, бывало, еще пробежит, поздоровается, а вот он всегда молчком да бочком. Уехали, так мы их и не узнали. А зачем вы спрашиваете? Вы ему родственница?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yuzhina_margarita/sokrovische-staroy-devy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)